

Книжки

Доброжелая

ЛИНРА

против Воров

Иглис

Доверяя противоречию

«Автор»

2026

Иглис

Доверяя противоречию / Иглис — «Автор», 2026

Когда хотел как лучше, а получилось как всегда. Или: не копай другому яму — сам в неё угодишь. История рассказывает о молодом юноше, невольно втянутом в разногласия сил, превосходящих его собственные. Когда хороший человек совершает добрый поступок, ему воздвигают памятник, а когда за дело берётся отъявленный негодяй, его песенка быстро подходит к концу. Насколько важен старый друг и почему не стоит спорить с небесами.

© Иглис, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
1.	7
2.	12
3.	17
4.	22
5.	26
6.	32
7.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Доверяя противоречию

*Четвёртый ключ — зависть что жжёт
изнутри,
Для миров пожирателя он архитектор
Для многих загадка неведомый дар.
Его сила скрыта средь призрачных
чар.
Он строит иллюзию из непа и зла.
И пользу пророка страх сеет в
сердца:
"Завидуй терзая, созидая меняй
Осколок души никогда не предай."
(Строки из книги пяти миров.)*

Пролог.

— Добро всегда побеждает? — В ту зиму Азелию только исполнилось шесть лет, и, преисполненный любовью к этому миру, юный принц жаждал посмотреть на окружающий его свет, однако из-за слабого здоровья был вынужден довольствоваться сказками и историями от старшего брата.

— Да, мой принц, — согласилась старушка. — На то оно и добро. Однако, что бы ни сделал ваше высочество, вы никогда не станете злодеем, ведь вы очень добрый ребёнок, и все во дворце безмерно любят вас. — Она присматривала за Азелием уже около пяти лет и прекрасно знала, насколько внушаем может быть юный принц, поэтому старательно подбирала верные слова для его наставления. Из-за своего состояния Азелию не грозила участь стать учеником мастера боевых искусств, и даже от мечей кронпринц, души не чаявший в младшем брате, наверняка его оградит. Иное дело — поступки, которые впоследствии могут причинить немало беспокойства. — Всех злодеев постигает ужасающий конец, — сказала она, поглаживая ребёнка по чёрной макушке и тепло улыбаясь. — Но пока вы на стороне добра, ваша дорога будет светлой и чистой.

— А что нужно делать для добра? — серьёзно задумался мальчик, и старушку умилял этот его мыслительный процесс.

— Нууу, возможно, защищать слабых? — предположила она, переводя взгляд на вошедшего в покои кронпринца. В свои шестнадцать он уже отлично владел мечом и заработал дурную славу, не щадя соперников в тренировочных поединках. За пределами покоев старушке часто приходилось видеть этого юношу перепачканным в крови. Однако перед встречей с юным принцем Азелием, Амрес принимал ванны с ароматными маслами и переодевался в чистое, чтобы не ранить его хрупкую душу и не напугать неприятными запахами.

— Защищать слабых? — удивился Азелий. — Но я и сам слабый... — скуксился он, ища спасения в объятиях женщины.

— Ваше высочество вырастет однажды и станет достаточно силён, чтобы не думать о собственной слабости, — сказала она. Это было весьма опасно, однако кронпринц, подошедший к постели, не выразил недовольства. Няне юного принца оставалось лишь надеяться на хорошее расположение духа будущего правителя после очередной победы.

— А пока ты не вырос, тебя буду защищать я, — рассмеялся Амрес, прыгнув на кровать, снимая брата с чужих колен и утягивая его в свои объятия. Способная понять, когда стоит уда-

литься, женщина поднялась с кровати и, склонившись в поклоне, засеменила прочь: — Никто не посмеет навредить тебе, моему принцу, ведь ему придётся иметь дело со мной, хорошо?

— Да! — захихикал Азелий, вцепившись в шею брата крепкими объятиями. На самом деле, сколько сил мог вложить Азелий даже в эти объятия, было ничтожно мало по сравнению с постоянно липнущими к Амресу Вилье, и кронпринц часто тревожился, насколько ещё более слабым может быть младший брат. В компании брата кронпринцу приходилось обращаться с ним как с мелким зверьком, чтобы не оставить лишнего синяка. В покоях не было ни одного острого угла, но даже этого казалось мало. К вечеру того же дня няня пришла к Азелию в последний раз со словами:

— Слабые люди прячутся во мраке, мой принц. Их жизни столь ничтожны, что стелются листопадом под ногами тех, кто идёт по дороге света. Помните, что, ослеплённые светом, вы можете упустить из виду нечто поистине ценное. — Больше Азелий не видел ту, кто с трепетом и любовью растила его всю его жизнь, ведь за то, что няня посмела испугать младшего принца, её казнили по приказу Амреса Дамклера.

1.

— Хороший ты парень, я это вижу. Уж что-что, а глаз у меня на это намётан. У тебя явно кое-чего не хватает, и я допускаю мысль, что с "этим" ты расстался не по собственной воле. Давай договоримся так: ты расскажешь мне о себе, а я постараюсь помочь, идёт? — Занран Велтар, новый начальник тюрьмы пограничного города Эверхона, против своей воли взял за привычку каждое утро на протяжении последнего месяца начинать с относительно мирной беседы. Собеседником его неизменно становился один молодой юноша. Грязный из-за длительного пребывания в камере два на один метр, где свободно не разгуляешься, он уже вторую неделю подряд оставался для Занрана загадкой. Его камера была единственной, в которой не было застеклено решётчатое окно — столь мелкое, что значения этому придавать было совсем бессмысленно, лишь в том случае, если бы осенние ночи были так же тёплы, как летом. Занран давно бы расправился с этой проблемой, если бы не задавался вопросом, от чего же стекло исчезло. Смутно на него отвечали усеянные тонкими и не очень, тёмными шрамами ноги и руки юноши, словно он мог намеренно себе навредить. Рисковать лишний раз не хотелось. Изредка данный индивид проявлял интерес к мужчине, как сейчас, когда подходил ближе к решётке, учуяв приторно сладкий аромат купленных по пути на работу булочек. Это стало единственным ключом к началу "диалога", если так вообще можно было назвать, ведь юноша больше слушал и явно что-то анализировал. Данный способ подкупа брал своё начало недель ранее, когда, оставшись без завтрака из-за незначительной по важности ссоры в семействе Велтар, мужчина, будучи весьма нервным из-за сдержанных, внутри не высказанных претензий, схватил с полки лавки первое, что попало ему под руку. То были кремовые булки. Их ему тогда положили с лихвой — в качестве поощрения за его высокий статус и весьма необычные вкусы, словно в насмешку. Подобную приторную сладость Занран не особо жаловал. Однако, запертый в клетке чуть больше пяти месяцев, юноша питался до нельзя скверно по меркам его предположительно богатого прошлого. Он ничего о себе не рассказывал, и Занран, теряясь в догадках, пытался выведать хоть что-то. По опыту мужчина знал: такие юноши без следа не пропадают, за ними всегда имеется хвост, способный опоясать пусть не весь Кадрамар, но Эверхон в три кольца уж точно. У этого же не было совершенно ничего. Эверхон не имел пропавших отпрысков благородного происхождения. Пусть тесных отношений с ними род Велтар не имел, однако знать о подобных мелочах был обязан. Также город не принимал пропажи из глубин Кадрамара, от чего мужчина упёрся в тупик. В первый раз он не проронил и слова — стражи сказали, что хоть парнишка и принял булочки, но не съел их. Он долго смотрел на бумажный пакет у края своей камеры, а после отшвырнул угощение, "подарив" его другим заключённым. Как ни странно, он словно воспринимал угощение в качестве платы за свою компанию в беседах с новым тюремщиком. Надеясь хоть так наладить с ним хорошие отношения, Занран добровольно стал приносить заключённому угощение — но на этот раз только для одного. Ответа и в этот раз добиться не сумел, из широты своей души поставил блюдо с кремовыми булочками на пол чужой камеры и, отодвинув стул к стене, раздосадованно вздохнул.

— Мало видеть, понимать нужно, — усмехнулся юноша и, подняв блюдо, выставил его за территорию своей клетки. Занран видел, что юноша любит сладкое, хочет отведать то, что давно не вкушал, и всё же отказался и от этой подачи. Усмехнувшись, мужчина отрицательно мотнул головой и быстрым шагом покинул коридор, не желая мириться с тем благородством, которое с малых лет презирал. Оно отравляло кровь древних родов, пачкало душу и поступки, с высоко поднятой головой держало под руку надменное величие и двуличность, словно так и было нужно. Глупцы играют в благородство, наивно веря в то, что оно уберёжёт их от неприятностей. Иные же активно пользуются им, лишь в редких случаях.

— Снова мимо, капитан? — один из первых, кто предложил избить зазнавшегося выродка и тем самым вывести всё, что нужно капитану, с удивлением проследил за тем, как мимо него пронёсся Занран. — Пасть забей... Он думает, что сможет одурачить меня? — считая, что доброты у него достаточно, новый начальник тюрьмы направился к городским стражам. Шурин Занрана, Хэйнл Велтар, уже добрых тридцать лет занимает пост главнокомандующего гарнизоном Эверхона и, распоряжаясь живой силой города, был способен выделить пару-тройку ребят в помощь. Услуга была незначительной — найти и притащить в город бывшего начальника тюрьмы под предлогом неоконченных дел. Просьба действительно являлась пустяковой, тем более что о месте обитания Касена Алура имелась запись в архиве городских стражей. Несмотря на утренние разногласия, ставшие хорошей традицией в роду Велтар, Хэйнлом был выделен самый незатейливый из отрядов, дано разрешение на посещение архива, и командующий гарнизоном незамедлительно вернулся к своей, более серьёзной проблеме. Тем утром была предпринята попытка проникновения извне на территорию Эверхона. Лодка плыла по воздуху, как ночной шторм: узкий, изящный корпус, выкрашенный глубоким чёрным лаком, по бортам пробегали изломанные синие молнии, мерцающие внутри, словно лазуритовые жилы. По носу высилась маска какого-то невиданного прежде на землях Кадрамара зверя из чёрного металла, в глазах которой блеснули крошечные сапфиры. У её кормы на тёмном троне покоились метеоритные осколки — аккумуляторы, от которых судно жило. Её сердце — кованный молниевый столб, запёртый в куб из воронёного железа и чёрного хрусталя — шумело и шипело, когда тонкие жилы энергии пробегали по корпусу, оставляя за собой бледно-голубые шлейфы. Разряды собирались, заставляя воздух вокруг лодки наполняться низким гулом и треском, словно натянутая стальная струна вот-вот лопнет; в моменты вспышек раздавались звонкие удары, а синие искры рвали тьму короткими вспышками. На палубе, под слабым светом вмонтированных кристаллов, стоял один человек — Амрес Дамклер. Молодой мужчина, чуть более тридцати лет от роду, явно не осведомлённый о тонкостях защиты Кадрамара, проскрежетал своим судном по барьеру и "пришвартовался" у самого его края. Хэйнл с достоинством встретил незнакомца: стоял у барьера и смотрел с присущим ему величием. Сначала он видел только силуэт — высокий, неутомимо уверенный, как башня — и мерцающий отголосок чужой энергии на тёмном фоне неба. Когда Амрес приблизился достаточно близко, чтобы силуэт обрёл черты, Хэйнл невольно оторопел: перед ним не было ни мундиров, ни орденов, не было и привычных рыцарских знаков — зато вся фигура говорила о человеке, который умеет подать себя достаточно ярко, чтобы осесть в памяти всех встречаемых на своём пути. Опытный взгляд мгновенно отметил — перед мужчиной не солдат. Воин, готовый сложить голову за своего короля, не явился бы с пустыми руками, это равно придти с голым задом. Амрес шагнул чуть ближе, его взгляд задержался на барьере, и, словно понимая, чего от него хотят, он слегка откинул край своего плаща, вынимая из ножен для демонстрации своё оружие — клинок. Тонкая изящная сталь, больше похожая на дорогую игрушку. Такие, имея корыстный умысел, предпочитают прятать в самое укромное место для внезапного нападения, иначе же носят с собой для самообороны. Плащ с высоким воротником — тёмный снаружи, но с подкладкой глубокого зелёного оттенка; ткань тяжёлая, шелестящая, но от прямого удара лезвием не спасёт. Под плащом — туника с глубоким вырезом, аккуратная и дорогая, без военных знаков. На груди — несколько тонких цепочек. Самым необычным в образе были волосы. Хэйнл видел, как в тёмных прядях незванного гостя играют крошечные точки света — не обычные бриллианты, а «пески зари», как их называли в старых легендах: камни, что не просто сияют, а хранят в себе свет самих звёзд. Они были вмонтированы по отдельности, как если бы кто-то рассыпал звёзды по его голове; при каждом наклоне головы искры перебежали, напоминая звездопад. Эти камни не говорили о богатстве — они скорее кричали об этом. "Вкусы у каждого свои" подумал Хэйнл, вот только он привык видеть украшения на юных и не очень дамах, а не на подобных личностях. Несмотря на угрожающе яркое появление, Амрес представился

и уверил Хэйбла, что преследует самые мирные намерения. Дело было в том, что у него сбежал младший брат, и молодой человек занялся его поисками. Допрос уже длился шестой час, однако Амрес, не проникший насильно сквозь барьер Кадрамара, своими действиями связывал Хэйбла руки. Применять к нему грубую силу не имело смысла — он являлся подданным короны чужого королевства, судя по манере поведения и внешнему виду, а также по честному признанию цели визита. Молодой человек был вежлив и в меру любопытен, не выдавая себя в роли лазутчика. Особенно учитывая, что накануне проводилось собрание трёх королей по случаю "Дня великого раскола" — такую активность следовало ожидать, но подтверждений не было. Хэйбл мог бы утверждать, что сбежавший мальчишка не находился в Эверхоне, ибо на его памяти Амрес был единственным, кого впустили по его указке. Другое дело — пограничные города, где слухи распространяются быстро, но о подобных случаях ничего не было слышно. Приблизительное время пропажи также не внушало уверенности. Воспользовавшись тем, что его отвлекли от допроса, Хэйбл обратился к человеку, мнению которого доверял безоговорочно — своему советнику. Этот мужчина, наделённый несравненным умом, незамедлительно вспомнил о проблеме, которая мучила Хэйбла уже третий месяц: Элин Вегра — человек, что свернул не на ту дорогу и стал общей бедой. Хэйбл принял его в ряды стражей из жалости, но после того, что тот натворил, зарёкся иметь с ним дело. Однако Элин не собирался сдаваться и даже заручился поддержкой сына Хэйбла — Сафина. Советник предложил испытание: поручить Элину сопровождать Амреса в поисках сбежавшего брата. Пусть мерзавец не возвращается, пока не найдёт беглеца, а если справится — снова будут рады видеть его в рядах стражи. К счастью, Амрес согласился на сопровождение и даже был благодарен за помощь. Элин явился быстро — после бурной ночной пьянки, за которую Сафин уже успел услышать немало нелестных слов от отца, он выглядел, мягко говоря, потрёпанным, но рад был вызову господина Велтара. — В общем, приведи себя в порядок и отправляйся в путь с этим несчастным молодым господином, — кратко объяснил советник причину и план решения проблемы, сложив руки за спиной и сдержанно улыбаясь. — Вы уверены, что я подхожу для такого... важного задания? — озадаченно спросил парень, недоверчиво глядя на Хэйбла. — Ты можешь отказаться, но сколько бы ты ни бегал вокруг меня и не скулил, всё будет напрасно. Я даю тебе шанс — и он единственный, — холодно ответил господин Велтар, сцепив пальцы в замок. Приманить двух рыб на один крючок — задача не из простых, особенно учитывая, что этот... парнишка смывленный. — Н-нет-нет, я точно возьмусь! Просто хотел уточнить, не желает ли кто-то ещё помочь этому... человеку, — нервно улыбнулся Элин. План был прост, пусть и не без трудностей, но выполним. — Многие стражи хотели бы занять его место, — признался Хэйбл, искренне лукавя парнишке в лицо, — но они не нуждаются в прощении, как ты. — Да-а — протянул Элин, слегка поморщившись, словно почувствовал неприятный укол в самое уязвимое место, — значит, найти мальчишку и вернуть обоих в Эверхон, так? — Верно, — кивнул советник, — мы пустили его брата, мы и выпроводим обоих. Оба мужчины радовались тому, что Элин не впал в истерику, считая задание несправедливым, хотя оно было максимально щедрым, если не смотреть в детали. К счастью, из-за своего похмелья Элин не придавал значения мелким отступлениям и видел лишь блестящую картинку своего будущего в Эверхоне. Парнишка умчался так быстро, как только мог, прихватив с собой и проблемный груз, что позволило стражам облегчённо вздохнуть.

— Ты не поверишь, что случилось! — в окно к Сафину Велтару, едва открывшему глаза после ночной пьянки, залез Эрсул Мура. Друг Сафина, не пользующийся особой любовью его отца. Несмотря на скрытую неприязнь — скорее из-за недоверия мужчины к этому ребёнку — ни одна метла из поместья Эрсула не гнала его прочь. Род Мура получил известность, когда семь лет назад дядя Эрсула выпотрошил четырёх стражей. Причина до сих пор неизвестна, но, несмотря на жестокость инцидента, юноша чувствовал себя свободно в общественных местах,

даже когда в него указывали пальцем и плевались. Этот чудака часто становился катализатором бед: напиться, устроить дебош, что-то украсть или подразнить городскую стражу.

— Элин снова переспал не с тем человеком? — без особого энтузиазма отозвался Сэф, раздражённо спрятав голову под подушку. Пьянка дала о себе знать, и по мнению Сафина, ему стоило побывать в борделе раньше — отец давно не уделял сыну столько внимания. Обычно Хэйл Велтар обходился суровым взглядом и глубоким рычанием.

— О! Я бы не удивился... В Эверхоне гости! Кажется, с Альянса, — парень прыгнул на кровать рядом с другом, даже не удосужившись разуться.

— С чего бы Альянсу... — вспомнив поведение отца перед уходом на работу, Сафин нахмурился и недоверчиво посмотрел на друга. — Что им нужно?

— Не им, а ему. Ищет сбежавшего брата, — с кряхтением влез в окно Элин, велел кому-то оставаться на месте. Ему, конечно, не пускали бы в парадный вход поместья, если бы не причины. Род Вегра выращивал одних из умнейших людей, соперничающих даже с мудрецами из Миретара — столицы Кадрамара. Два старших брата Элина почти четыре года назад отправились в столицу, и, к несчастью для матери, перестали ей писать — как и все "птенчики", покидающие гнездо. Тогда глава рода оборвал обучение Элина и позволил ему бездельничать, не желая огорчать супругу. Элин потерял покой и стабильность, так как не умел сидеть без дела. Освободившись от железной хватки рода, он загорелся идеей стать стражем и служить городу, но спустя всего три месяца службы был уволен. Это дало Эрсулу отличный повод подкалывать друга.

— Вспомни про бордель...

— Лучше не договаривай эти слова, ты — животное! — прошипел Элин и, запутавшись ногой в тюле, упал на пол под смех друзей. — Смейтесь-смейтесь, мне дали шанс вернуться в строй, — недовольно буркнул, поднимаясь.

— Ты всё же довёл отца до помутнения рассудка? — удивился Эрсул, обращаясь к Сафину.

— Даже если так, его советник вставляет мне палки в колёса, — фыркнул Сэф, перевернувшись на бок и взглянув на явно взволнованного Элина. — Только не говори, что он отправляет тебя помогать нашему гостю.

— ...Ну потрясающе! — после молчаливого согласия Элина, Эрсул закатил глаза, понимая, что Сэф угадал. — И когда отправляешься?

— Что значит "отправляюсь"? Мы же друзья! — прогундил недовольно Элин, присаживаясь на край кровати.

— Да я ради тебя даже пальцем не пошевелю, не говоря уже о поездке, — рассмеялся Эрсул.

— Так я здесь не ради тебя... Сэф, — ласково позвал Элин, подкрался к кровати и с грацией взобрался на неё. Встретив вопросительный взгляд и молчаливое согласие Сафина, улёгся рядом, задом столкнув Эрсула, сидевшего сзади. — Ты же знаешь, как для нас важно моё возвращение на службу, верно? К тому же когда ещё подвернётся повод попутешествовать по Кадрамару?

— В любое время? — с насмешкой ответил Сафин, показывая, что в искусстве провокаций Элин далёк от совершенства.

— А найти нового достойного друга? — охладил голос до грозного недовольства Элин, прищурившись.

— Насколько достойного? — лукаво улыбаясь, Сэф обнял парня за талию и, нависая сверху, затащил под себя. — Единственная причина пойти с тобой в том, что ты абсолютно бесполезен в выборе "достойных" друзей, мой друг. Знаешь, что сказал мне отец, когда я вернулся? — аккуратно отодвинул прядь с лица друга, улыбка Сафина была столь обманчива, что

даже совершенно слепой почувствовал бы его скрытую тревогу. Если бы не вовремя вмешался Эрсул, он бы, не моргнув, придушил Элина.

— Да брось, Сэф, не бросим же этого горе-героя разбираться в одиночку с этой кашей, да и посмотри на него — какой теперь из него следопыт? — усмехнулся Эрсул, стремясь разрядить атмосферу шутками и весельем. Если настроения не хватает, сойти за весельчака для него не проблема. — Ну, давай! Это ведь приключение! Твой отец точно поседет от беспокойства, что ж, парочка ссадин, ушибов, может даже перелом — кто знает, с кем нам придётся столкнуться в дороге, разве это не здорово? — прищурился с ловкой улыбкой Эрсул, зная, чем можно заинтересовать ленивую задницу.

— Чёрт, мне нужно собраться, — толкнул Эрсула Сафин, улыбаясь принятию предложения, — сделай что-нибудь полезное. Не знаю, чем там занят страж в такие моменты, но может, для начала хотя бы портрет сделаем? — недовольно покосился на Элина, прижавшегося к изголовью.

— Отличная идея! Я пока схожу за портретом, — осторожно сполз с кровати Элин. Несмотря на внутреннее удовлетворение от достигнутого, сомнения начали терзать его — правильно ли он поступил? В прощания не было смысла, и он просто выпрыгнул в окно.

— Не слишком ли быстро согласился? — подозрительно прищурился Сафин.

— Не надейся на извинения с моей стороны, Сэф. Ты и сам мог отказаться, — фыркнул Эрсул. — Порылись бы в семейных хрониках, может, найдёшь кого-то, кто купит эту заразу за пару десятков золотых. Кто знает, может, избавимся от проблемы и ещё подзаработаем. — Печально вздохнув, он уселся на подоконник, собираясь покинуть Сафина. — Порой жалею, что ты не живёшь в башне, — задумчиво хмыкнул Эрсул.

— Как давно? — зевая, поинтересовался Сэф.

— Только начал... Я заскочу домой, возьму кое-какие вещи... Опоздаю — можете не ждать, — выбравшись в окно, Эрсул вскоре исчез за забором Эверхона.

Три часа — срок непростительно короткий для человека, мучающегося от головной боли и общего нездоровья. Однако суетливые «служанки» дома Велтар знали своё дело. Младший Велтар строго запретил молодым юношам выходить из дома, чтобы избежать неприятностей. Вредные прислужники были вынуждены наряжаться в женские наряды с утра до вечера. По улицам города над ними посмеивались, но высокая оплата перевешивала стыд, и они шли с гордо поднятой головой. Руки, лишённые девичьей нежности, могли быть жестоки, если проявлять к ним чрезмерную неприязнь.

Единственным представителем obsługi в брючном костюме был личный лакей Сафина, но несмотря на заслуги, наряд служил лишь утешением — за пределы поместья он не покидал. Имена прислуги Сафин не считал важным запоминать — они часто ошибались и вскоре менялись. За последний год штат сменился трижды — люди появлялись и исчезали словно утренняя роса. Сэф не исключал, что именно он был остановкой этой текучки.

Впереди тяжёлый путь, и лучше вести себя максимально тихо, чтобы предатели не сдали компанию чужакам. Иначе угроза быть пойманными уже у ворот города станет здешней самой мелкой проблемой.

2.

Перед отъездом Сафин решил навестить дядю в тюрьме. Это была своего рода месть за то, что Занран не вступился за своего «любимого» племянника в утреннем скандале с отцом. Планируя свести в непрерывном конфликте отца и дядю на случай пропажи младшего Велтара, юноша намеренно мямлил и действовал дядюшке на нервы, пока его насильно не выпроводили, велев не влипать в серьёзные неприятности. Оказавшись в тёмном коридоре, ведущем к темницам, Сэф почувствовал замешательство. Узкая и скользкая тропа — оступись раз, и твоя человечность обернётся звериной сутью. В клетках, по мнению Сафина, сидели не люди: убийцы, воры, насильники — все, кто переступил закон и опасен для города. Иногда он радовался, что Эверхон не такой большой город, чтобы в нём поселился неукротимый «хищник». Ловили их всегда — ни рано, ни поздно — объединяясь единым фронтом для избавления города от угрозы. Но почему же Занран Велтар, сам прекрасно знающий, что все эти люди получили по заслугам, стоял в том коридоре с таким сокрушённым видом? Разрешение получено! Значит, дяде придётся разбираться со своими душевными тяготами в одиночку, как это делают взрослые. Грубые мазки угольным карандашом на далеко не лучшем листе, изображающие примерно семьдесят процентов тёмноволосых юношей, мало что значили. Длинные чёрные волосы, по словам Амреса — старшего брата сбежавшего — были усыпаны «песками зари», особым драгоценным камнем с земель Альянса островов. Один карат такого камня на рынке срединных островов стоил не менее шестидесяти золотых. Для наглядности Амрес продемонстрировал свою голову, позволяя парням рассудить, что такое украшение не только слишком броское, но и трудно потерять. Будучи любимцем семьи, если бы жители Кадрамара осознали ценность этих камней, Азелий мог бы купить всё королевство и обеспечить ему безбедное будущее минимум на сорок лет вперёд. На основе этой информации Сафин сделал вывод: нечеткость портрета искомого сделана намеренно, чтобы уберечь брата от возможной угрозы. — Не уж слишком ценен камушек, чтобы украшать им волосы? — присвистнул Эрсул, внимательно рассматривая голову спутника. На голове у Амреса было сотни таких камней. — Отличительная черта нашего рода, — ответил Амрес. — Как вы носите герб своих семей на одежде, так мы носим знак в волосах. Каждый, кто видит это, знает — перед ним представитель рода Дамклер. Мои камни светятся, как золотые звёзды, камни брата сияют голубым. Он — „венценосная лагуна“, или „голубая заря“... — в голосе промелькнула гордость, но скрыть смущение перед молодыми, окружившими его, Амрес не смог. «Кто не сможет подобрать камушек одного типа из всех, если умеет различать цвета?» — подумал Сэф и усмехнулся. Схватив один камешек, он дёрнул, но вырвать не смог — не из-за крепкого крепления, а из-за силы хватки Амреса, который заломил ему руку: — Полегче, юноша. Понимаю интерес, но трогать мою голову могут только члены семьи... Ты не хочешь обручиться, да? — с насмешкой спросил Амрес. — Ещё чего! — фыркнул Сафин, прижав руку к груди после освобождения. — Почему сразу не появился за братом? — не обращая внимания на поток шуток Эрсула в адрес друга, спросил он. — Были обстоятельства, — нехотя пожал плечами Амрес. — А ещё кто-то в семье есть? — выхватил портрет беглеца Эрсул. — Сходство между вами не особо большое, может, возьмёшь покладистого? Я бы не прочь носить на голове состояние, способное выкупить город, — игриво толкнул Амреса плечом юноша, усмехаясь самодовольно.

— Что ж, действительно, сходства немного, но кровь не обманешь. У него есть близнец — Вилье, — было не сложно понять, к чему вела эта история.

— Дай угадаю: из-за того, что один из близнецов был тише серой мыши, вы даже не заметили его исчезновения? — расхохотался Эрсул, хотя поводов для веселья особо не было.

— Да, — недовольно пожал плечами Амрес. — Если бы отец не решил женить Вилье, мы бы и не поняли, что он всё это время притворялся братом, прикрывая его побег.

— Потрясающе! — захлопал в ладоши Эрсул, а затем с испугом вздрогнул, когда Элин грубо толкнул его, призывая к спокойствию.

— Хороша семейка, — укоризненно покачал головой Сафин, разделяя осуждение Эрсула.

— Тебе не понять, ведь ты — единственный ребёнок в семье Велтар, — возразил Элин.

— И что? — едко ответил Сафин, не одобряя поддержку друга, явно защищавшего провинившегося Амреса. — Хочешь сказать, что из-за братьев о твоём существовании кто-то забыл? Или, может, из-за тебя родители забыли, что у них есть ещё дети? Это ненормально.

— Это дела чужой семьи, Сэф, мы не вправе вмешиваться, — отрицательно покачал головой Элин, пытаясь наставить друга на путь.

— А кто сказал, что я вмешиваюсь? С каких пор мне нельзя высказывать своё мнение? И если помнишь, я не напрашивался в этот поход.

— Вы правы, это уже за гранью, — признался Амрес, немного смущённо улыбаясь. — Мой брат — настоящая заноза, ни дня спокойно не сидит. Как только узнал о побеге, сразу отправился на поиски. Мне не важно, что будет дальше, даже если он откажется вернуться, я должен убедиться, что с ним всё в порядке.

— Не влезай в чужой разговор, если хочешь уважения! — строго сказал Сафин и, прищипорив Кхару, ускорился, предпочитая держаться впереди.

— Он сойдет с ума, — попытался успокоить Амрес Элин, неловко улыбаясь Эрсулу, словно ища поддержки.

— Не смотри на меня так, ты знаешь цену моей помощи, — фыркнул Эрсул и, взглянув на спину друга, улыбнулся. Не каждый день появляется шанс записать Элина в должники — а это величайшая удача! Пусть и за счёт бесконечных прощений за самые «странные» слова, брошенные в адрес юного Вегры. Осталось три месяца воздержания — и тогда пробка залежавшегося вина будет наконец откупорена, от безысходности.

— Ты такой гадкий! — задохнулся от возмущения и обиды Элин.

— Мне тоже тяжело, детка, но как я могу быть бескорыстен с тем, кто владеет моим интересом? — наигранно опечалился Эрсул и, довольный реакцией скривившегося друга, расхохотался. — Не волнуйся, Сэф — на самом деле добрый парень. Он уважает семейные узы, и если хочешь расположить его к себе, говори больше о своих чистых намерениях — он начнёт работать на полную отдачу, — коротко кивнул Амресу Эрсул и поспешил нагнать Сафина. Длительные прогулки верхом утомляли Амреса, поэтому юношам приходилось подстраиваться под него. На первом привале, аккуратно на полпути к Валниру — первому в списке обязательных для посещения городов, — Сафин решил поделиться своими мыслями. По его предположению, оказавшись на чужой земле, беглец, лишившись поддержки, мог с лёгкостью потерять свою главную отличительную черту. Несмотря на ожесточённое сопротивление, Амрес был вынужден согласиться. За разговорами часто всплывала тема исчезнувшего брата. И Велтар, и поддерживающий его Эрсул всячески пытались углубить рассказы Амреса о беглеце. Однако, хоть чужак и делился историями, подозрений у компании друзей, а точнее большинства из них, от этого меньше не становилось. Слова Амреса сквозили ложью, и Эрсул отмечал изобилие противоречий. Незаметить изменения в поведении «любимчика» семьи было крайне странно, значит — чужак недоговаривает. Камни, признанные ценностью в Альянсе островов, могли стать той самой ниточкой, а люди, несущие на своей голове, как выразился Эрсул, «целое состояние», запоминались надолго и всегда становились предметом обсуждений. Валнир — место, полное «воздушных замков» и тревог. На его змеевидных улицах ошибочные предположения превращались в громко кричащие новости. Жители Валнира словно рождались с массой ненужных тревог и день за днём стремились распутать что-то и вытянуть на свет. Здесь

практически не было по-настоящему значимых секретов — боялись стать всеобщим слухом. При этом люди были далеко не глупы.

— Держи рот на замке, — спешившись с Кхары, Сафин крепко ухватил Амреса за руку, всей фигурой выражая обеспокоенность за гостя Кадрамара.

— Может, нам не стоило соваться сюда? — озирался по сторонам Элин, словно боясь быть пойманным за руку воровства.

— Если «он» действительно в Кадрамаре, здесь о нём точно знают. Нужно с чего-то начать, — ответил Сафин. — Да, Валнир — не самый удачный выбор для начала пути, но и не самый худший. Мне не сказали, где именно находится место, но сказали, что оно приметно. На здании есть дерево, оно рядом с главной площадью, так что, думаю, найдём. — В голосе появилась чуть большая уверенность — даже Элин, слепо следующий за другом, бы поверил, хотя сам Сэф чувствовал себя потерянным ребёнком. Два дня пути до города могли оказаться впустую, если не взять себя в руки. Небо над Валниром было облачным, покрытым светлыми пятнами просветов, через которые словно знаком с вышины освещались торговые лавки и однообразные дома с острыми шпилями крыш. Казалось, что именно эти шпили пронзают небо, даря городу крошечные лучики надежды на долгожданное спокойствие. Следуя голосу разума, подкреплённому логикой, Сафин повёл группу в сторону центра города. За первым же поворотом он заметил провал между домами — открывался вид на испещрённый мостами и зданиями город. Он уходил вниз на два этажа, потом на пять, взмывал на уровень въездной дороги и снова исчезал в глубинах земли Кадрамара. Опасаясь заблудиться в этом, казалось бы нескончаемом лабиринте, Сэф подобрал с земли кусочек грязи, достал единственный лист бумаги и принялся наносить линии на обратной стороне, создавая приблизительный маршрут до фонтана. Это сооружение проглядывалось с трудом, но узнать его можно было. Менее чем через час блужданий по городу в заданном направлении компания обнаружила, что уже стала предметом слухов. Чем глубже они спускались, тем громче становились шёпотки и звонче гадкие смешки. словно насекомые, взгляды, полные неукротимого интереса и жажды узнать, что привело гостей в город, прилипали к ним. Эти живые тени прятались за углами, царапали стены, испуганно вздрагивали и хихикали, когда их замечали. — Как-то жутковато, — передёрнул плечами в недовольстве Эрсул, ощущая зыбкий холодок, свободно гулявший по его спине. Он шёл замыкающим цепочку и принимал на себя большую часть всеобщего внимания.

— Они просто наблюдают, постарайся не обращать внимания, — посоветовал Сафин, сверяясь с импровизированной картой, чтобы выбрать направление на очередной развилке.

— Снова сбился, — неожиданно хихикнул девичий голосок. Сафин невольно вжал голову в плечи и с удивлением уставился в большие карие глаза белокурой девицы. Её тонкая фигурка растянулась на подоконнике в пышном, по-детски ярком платье чуть ниже колен. Ноги были спрятаны в полосатые носки и чёрные блестящие туфельки, которые отстукивали заводной ритм о штукатурку дома. Светлые волосы, убранные в высокую причёску, слегка растрепались, словно после быстрого бега. — Вы не местные? Идёте к фонтану? — проявила интерес, глупо хихикая. Сафин свернул карту и поспешно спрятал её в нагрудный карман.

— Ты проводишь нас просто так? — с подозрением прищурился парень.

— Вот ещё! Зачем вам туда? — дала понять цену своей помощи девушка.

— Дом с деревом, — вмешался Элин, принимая такую плату. Через пару часов стемнеет, и бродить по улицам, натываясь на тупики, ему совсем не хотелось.

— Древо Истока? — удивилась девушка, приблизившись, затем бросила короткий взгляд на пройденный путь и задумалась. — Так это правда, вы кого-то ищете? — не спросила, а скорее заключила красавица.

— Это не твоё дело, — отмахнулся от неё Сафин.

— Хмм? Можете бродить по этим улицам хоть неделю, если у вас есть столько времени, а можете рискнуть и довериться той, кто не только может помочь, но и попросит не так уж много в замен, по сравнению с прочими псевдо-помощниками, — самодовольно хмыкнула она.

— Спасибо за разрешение, мы действительно не торопимся, — ехидно ответил Сафин.

— Чего ты хочешь? — спросил Амрес.

— Того же, чего хотят все в этом городе. Я ведь велела тебе молчать! — зашипела на него юный Велтар, недовольная разрушением спешно сколоченного плана.

— А кто дал тебе право приказывать мне? Скажите, юная леди, чего вы желаете за помощь, которую можете оказать? — отодвинув опешевшего Сафина в сторону, Амрес смягчился, сбивая девушку с толку своим благородным обращением.

— Надо же, среди вас есть достойные люди, — вложив руку в руку Амреса, девушка смущённо хихикнула и позволила стянуть себя вниз с облюбованного места. — На самом деле не так уж много. Обещайте взять меня с собой — и я отведу вас к человеку, который сможет ответить на все ваши вопросы. Конечно, это будет не просто так, сами должны понимать. Дерево Истоков уже давно не славится правдивой информацией, а вот он достоин доверия.

— Вот как? В таком случае, могу гарантировать — в нашем путешествии вам будут только рады, — с довольной улыбкой кивнул Амрес.

Двое друзей устремили взгляд на Сафина, которому оставалось лишь молча проглотить нахальное поведение подопечной Элина и последовать за новым проводником.

Девицу звали Ликс. Семья Берна, из которой она происходила, часто имела тесные связи с торговцами, и по её словам, которым верить не обязательно, многие из новостей в семейных газетах не только достоверны, но и напрямую попадают в столицу. Семейное дело совсем не прельщало Ликс, однако она многократно пыталась попасть в отряд по сбору информации, но из-за недостаточного опыта всякий раз проваливала отбор. Поэтому Ликс решила отправиться в столицу самостоятельно. Отец разрешил, но сказал, что отпустит её только если она не будет одна. В Валнире верных друзей днём с огнём не сыщешь, а вот чужакам довериться страшно, но от безвыходности можно. Не обязательно идти с ней до самой столицы — нужно лишь убедить отца, что они будут вместе, а сразу за воротами пути друзей благополучно разойдутся, если на то воля.

— Значит плата за твою помощь — обман собственного отца? — заинтересовался Эрсул.

— Всё верно! — активно закивала девушка. Невероятно счастливая от предвкушения скорых приключений, она шла вприпрыжку, насвистывая заводную мелодию и петляя по закоулкам, сворачивая в самый неожиданный момент. — Не нужно придумывать лишние нагромождения — просто ответите согласием, станете сопровождать меня, и дело сделано! А за дополнительную плату он ещё и подскажет вам то, что вас интересует, — заверила она.

Плетясь в самом конце, Сафин осматривался по сторонам без особого энтузиазма, пока в одном из промежутков между домами не блеснуло изумрудное дерево, выложенное витражным стеклом одного здания.

— Идите за ней, раз он того хочет, а я пойду другим маршрутом. Она, должно быть, знает город — поймав Эрсула за руку, шепнул Сафин другу. — Встретимся у ворот.

— Спят! Идём вместе, — возразил парень.

— Иди с Элином... присматривай за нашим новым «другом», — с особым ударением на последнем слове велела Велтар и толкнув друга в спину, свернула в сторону, противоположную группе. Два источника информации — лучший способ узнать обоих и сравнить результаты. Девчонке Сафин не доверял, а тому месту, что ему посоветовали, верил лишь отчасти. «Дерево Истока» — централизованный поток общих сведений, где отсеивалось всё, что не имело подтверждения, так называемая грязная «вода», оставаясь лишь подтверждённая истина. За тридцать золотых главный исследователь сплетен поведал юноше о человеке, который наиболее сильно засветился за последние пять месяцев. Точного описания внешности не было, известно

лишь, что это мужчина — распутный и азартный. Три месяца назад он оставил в игорном доме Вирана, что в шести днях пути от Валнира, более восьми сотен золотых и исчез. Неизвестно, находится ли он до сих пор там, но исследователь считал, что стоит расспросить игорный дом «Золотое Перо». За дополнительные десять золотых он назвал имя своего связного, который долгое время прислуживал в том доме, и написал от руки просьбу с собственной печатью для достоверности. Из примет связного — старик, слеп на один глаз, но с острым слухом, на левой руке стальной перстень с чёрным камнем. На этом решили разойтись...

3.

Ликс, видя молодого Велтара, с недовольством скривила лицо, ворча на его нежелание следовать команде. Сафин встретился с ними на закате у врат, чувствуя, что его не искали.

— Нашли что-нибудь? — спросил с оттенком победы Сафин, приближаясь к спешно собирающейся группе. Было видно, что друзья намеревались оставить его в городе, что вызывало беспокойство у Элина, а Эрсул, согласно указаниям, молчал, наблюдая.

— Есть предположение, что он отправился в столицу. Там сложнее уследить за большими тратами, чем в пограничных городах, поэтому господин Берна считает, что он там, — холодно отозвался Амрес, кивая.

— Логично, и как удобно, — хмыкнул Сафин, вспоминая жалобы Ликс. — И что, ты отправишься туда?

— Разве у него есть выбор? Мой отец — обладатель самой достоверной информации в Валнире, и если он сказал — в столицу, значит так и надо, — беззаботно пожала плечами девушка, будучи уверена, что у Сафина нет иного выхода, кроме как следовать им.

— Верно. Столица большая, на поиски уйдёт немало дней, — кивнул Сафин. — Сколько вы ему заплатили?

— Не стоит ровнять всех по себе. Господин Берна — достойный человек и проявил чуткость к моей ситуации. Оплатой назначил услугу за услугу, — с гордостью заявил Амрес, не желая, чтобы с ним обращались как с неразумным ребёнком.

— Вот же! Ни стыда, ни совести, а я к нему от всей души, а он бросился за лживой рукой. Что за человек? — усмехнулся Сафин, производя вид, что говорит сам с собой, но достаточно громко, чтобы все слышали, — потешаясь над наивностью чужеземца.

— Послушай, это не твой дом. Валнир даже свои стараются обходить стороной, а ты решил довериться первому встречному, — начал наставлять Велтар, но был перехвачен Эрсулом, который почуял атмосферу Мура и враждебность стражей врат.

— Остынь, Сэф... ты нашёл что-нибудь? — тихо спросил Эрсул, уводя друга в сторону, надеясь, что его «одиночное» посещение дома Берна не прошло напрасно. Старое полуразрушенное строение напоминало рассадник клопов и источало скверный запах. Эрсул не удивился бы, узнав, что во время дождя поместье «поёт» каплями с прохудившейся крыши и на половину сгнивших досок пола. Юноша сам не особо доверял словам «низшего» благородного. Как давно род Берна лишился всего своего состояния? Вопросы оставались, но тот факт, что Берна, несмотря на плачевное положение, до сих пор имел влияние в Валнире, говорил о том, что эти люди опасны — либо сами по себе, либо благодаря своему покровителю и подавителю в одном лице.

— Связой сейчас в Городе Праздника, но он находится в противоположной от столицы стороне, — сказал Сафти. — Наш «славный» гость сильно уверен, что его брат в столице? — с укоризной покосился Сафин на девушку, чрезмерно довольную, как ей казалось, очевидным исходом этой никому не нужной словесной перепалки.

— Да кто его знает? Он сам говорил с её отцом, а нас даже словом не удостоили, — пожал плечами Эрсул, выражая недовольство.

— Мне это не нравится... Я отправлюсь в Виран. Той зацепке я хотя бы верю — я за неё заплатил. — В Валнире есть одно правило, касающееся информации: о нём знают многие, а те, кто не осведомлены, предупреждаются другими. Если информация не требует немедленной платы перед её получением, значит, она не более чем беспочвенный слух. Но если информатор слышал звон золотой монеты — тот звон подобен звону тяжёлых цепей. Хочешь или нет, он обязан сказать правду, соизмеримую с полученной платой.

— Разве это вежливо — шушукаться за спиной у своих компаньонов? — влезла между парнями, проявляя наглость, Ликс.

— Буду краток. Я не доверяю ни тебе, ни твоему отцу. Поэтому я не поеду с тобой в столицу, а отправлюсь в другой город — по следу той зацепки, за которую заплатил. Я доверяю «Древу Истока», потому что оно известно всем. А ты — невесть откуда взявшаяся. Так как я не виделся с твоим отцом и не получал от него сведений, мне нет нужды исполнять его капризы по поводу сопровождения. Как верно ты заметила, среди нас только один «достойный» человек. И это не я. На этом наши пути либо расходятся, либо нет, — перевёл Сафин взгляд на стушевавшегося Элина. — Ты забыл, Элин, насколько тяжёлым может быть доверие рода Велтар? Или, может, решил, что сопровождение подразумевает, что твой подопечный будет открывать рот без твоего присутствия? Мы в Валнире... Можешь ли ты быть уверен, что Берна достойны доверия? — Эрсул, согласный с Сафином, скрестил руки на груди и кивнул, не одобряя трусливое поведение Элина, позволившего Амресу вольничать. Да, чужеземец был старше и, вероятно, сильнее, но это мало что значило. Если в Кадромаре узнают, что Эверхон впустил чужака, городу грозят серьёзные неприятности, особенно в отношениях с короной.

— Впервые оказавшись за пределами дома, разве не логично было бы направиться именно в столицу? — недовольно спросил Амрес, подражая стойке Эрсула.

— Мы не можем знать наверняка, как поступит твой брат, — покачал головой Сафин.

— Я могу, — возразил Амрес.

— Не надо этого, друг мой. Все знают, как «хорошо» ты знаешь своего брата, — резво перебил его Сафин, удерживая себя от насмешки. — Если хочешь утолить свой голод, я не против. Но не стоит прикрываться поисками брата, да ещё выбирать «мясо» похуже. Мы с Эрсулом пойдём по следу, а вы с Элином — в столицу. Развлекайтесь, осмотритесь, коль не терпится. В столичных борделях выбор куда краше, чем у нас, на границе. Если нам повезёт и найдём мальчишку, притащим его в Эверхон. Рано или поздно вам придётся вернуться, может, тогда и встретимся, — кивнул Сафин и, взобравшись на Кхару вместе с Эрсулом, свернул с дороги в направлении Оларана. Оставшись без двух сопровождающих, Ликса нисколько не расстроилась, будучи оскорблённой грубыми словами представителя рода Велтар, который среди старшего поколения считался героем. Даже её отец, услышав о том, что этот отпрыск будет сопровождать девушку, не стал возражать. Девушка понимала, что по прибытии в столицу придётся признать — информация оказалась недостоверной. Но кто знает? Может, ей повезёт, и этот грубый выродок не успеет добраться до столицы, чтобы распалить ненависть среди недально-видных юнцов. Уж Сафин точно мог превратить обиду в жгучую ненависть. Ликс сочла, что у него язык непростительно остёр, а мысли вырываются наружу ещё до того, как он достаивает их обдумывания. И она была отчасти права. А в это время, в Эверхоне, на пороге своего брошенного места службы появился бывший тюремщик — Касен Алур. Быть начальником в этом месте — не то же самое, что быть заключённым. Напуганный до визга полноватый мужчина, по росту в два раза ниже Занрана, быстро покорился, едва получив первый профилактический удар. Касен рассказал, что интересующий Занрана заключённый был пойман у ворот, когда пытался сбежать из Эверхона, предварительно разрушив лавку булочника — того самого, у которого Занран закупал сладкие булочки, чтобы задобрить парнишку.

— Конфликт с булочником разрешился на месте. Отпрыск явно из благородной семьи, у него было столько украшений, что я подумал... ну, вы знаете, как это бывает, верно? — прикрыв лицо рукой, подозрительно предположил Касен.

— И как же это бывает? — прищурился Занран, понимая, к чему клонит этот человек, но всё же надеясь на что-то светлое и невинное.

— Парнишка явно сбежал из дому, — оправдывался Касен, — он туда вернётся, под крыло родителей, будет дальше жить препиваяючи, а мне такой шанс раз в жизни выпадает! Вот я и... воспользовался.

— То есть, я целый месяц удерживал в плену человека, который за свой проступок расплатился с лихвой? — удивился Занран.

— Он сам виноват! — резко ответил Касен. — Я велел стражам отпустить его примерно через неделю после моего ухода, ему было только нужно сказать, что он тот самый! — вспомнив свой первый день и недружелюбный настрой, Занран хотел что-то сказать, но промолчал. Назначение на должность тюремщика сразу пришлось Занрану не по душе. Глава города Аплон Кохлан — извечный ветер в чистом поле, — никогда не мог усидеть на месте и постоянно был в разъездах, от чего многие волновались, что этот легкомысленный человек однажды приведёт беду на свой хвост. Занран и представить не мог, что у Кохлана хватит смелости отдать подобный приказ, однако чуть ли не сразу после того, как тот оставил свою подпись на важном документе, сумасброд сбежал из города, подозревая, что Зар с ним сделает. Привыкший к мышлению «новая метла по-новому метёт», господин Велтар чуть ли не с боем сменил всех стражей тюрьмы. Причиной стали слухи и народные верования: стражи расслабились, привыкли к спокойной жизни и ожесточились, считая себя кем-то большим, чем были на самом деле. Когда реформа прошла успешно и работа вошла в новое русло, всё менялось. Возможно, если парнишка пытался донести до новых стражей свою невиновность, ему просто не поверили — ведь документа не было.

— Где они? Где вещи, которые ты у него забрал? — протёр лицо и собрался с мыслями Занран. На каждой семейной ценности есть инициалы, а если их нет — имя мастера. Эти люди никогда не забывают своих клиентов и точно опознают своё произведение. — И не говори, что всё продал! — резко перебил Занран, не дав Касену открыть рот.

— Так мне вздыхать над ними? — взвизгнул мужчина, когда его схватили за грудки. Второй удар был заслуженным, но не сделал Касена менее раздражённым. Для него, рождённого в благородной семье, Занран был не лучше грязи под ботинками — спеси много, пользы нет. Его бесило, что с такими людьми приходилось считаться тому, кто своими силами пробивался к славе и достатку. Но кое-что, похожее на надежду, всё же теплело глубоко в сознании Касена: возможно, простят и отпустят за выслугу лет. Однако надежда не оправдалась — вскоре Касен оказался в камере по другим обвинениям.

— Не беспокойся так, сын дома Велтар, когда по мою душу придут, я скажу им о тёплом гостеприимстве Эверхона... — услышал Занран с коридора темниц и обернулся в недоумении. Голос звучал одновременно близко и далеко, но Занран сразу понял, кому он принадлежит, и поспешил к клетке. — Мне по душе законы Кадрамара... — парень внезапно смолчал, растянув довольную улыбку.

— Не угрожай мне, я и так на нервах из-за сбежавшего племянника. Я много раз спрашивал тебя, кем ты являешься за этими стенами, — покачал головой Занран, указывая пальцем. Юноша лишь пожал плечами и беспомощно развёл руки.

— Отпустишь меня? — в его тоне промелькнула игривость.

— Мог бы, — согласился Зар, подходя ближе к клетке, — но ты потерял всё ценное, что у тебя было. Говорят, ты сбежал из дома? — с хитрой улыбкой парень плавно приблизился и, словно Илур, прильнул к решётке, закрывая руки мужчины своими мягкими ладонями. Занран отметил их нежность — явно незнакомую с тяжёлым трудом.

— Это всего лишь предположение, в которое верить необязательно. Когда мы лишаемся чего-то одного, находим новое — таков круговорот ценных безделушек. Мне нет дела до того, что было отнято этим человеком, ведь вы уже наказали его, верно? — их первый такой диалог несколько насторожил Занрана, но он предпочёл поверить словам юноши. Тот, возможно, просто испытывал чувство справедливости, увидев обидчика в равном ему положении. — Погости у нас до завтрашнего утра, а там я решу, что с тобой делать, — подавшись непонятному порыву, коснулся Занран лица юноши. Под густыми тёмными волосами, остриженными то ли поспешно, то ли неумелым мастером, мужчина заметил рассечённые, по-дет-

ски нежные щёки шрамы — глубокие раны, нанесённые острым лезвием, почти в одном и том же месте, словно ребёнок пытался изобразить на лице «звезду». Что-то в груди Занрана сжалось: это было не нападение зверя, а намеренное ранение человеком. Юноша дёрнулся и отступил к тени на противоположном конце коридора. Только тогда Велтар обратил внимание на почти абсолютную тишину вокруг. «Звери» наблюдали за ним: даже Касен, обычно скулящий о несправедливости, замолчал, но вскоре пришёл в себя, готовый сыграть на жалости. За юношей было велено следить, но у ночной стражи свои, более важные планы были. Нередко в мужском дозоре предпочитали женское крыло, где могли развлечься с новенькими воровками или обманщицами, самым по-своему наказывая провинившихся. Под визги протеста, громкое сопротивление и стоны, заключённые мужского крыла нередко сами удовлетворяли свои потребности. Касен, уходя на ночёвку, был поражён этим омерзительным зрелищем, и его гнев нашёл жертву — дремлющего в соседней камере человека. Юноша, привыкший к происходящему за пять месяцев, умел абстрагироваться и наслаждаться красочными сновидениями, пусть и с весьма спорным содержанием, внимая, кто громче стонет. — Я нарочно не указал в протоколе, кто ты такой, пожалел тебя! — шипел Касен. — Сказал ты им, кто ты есть? Спорю, что нет... Этот Велтар — умный мужик, он-то поймёт, кто ты, и свободы тебе не видать... Ты — выродок! — бросал он в спину юноши всё, что попадалось под руку. Через час отборной брани, под тихие смешки заключённых, заинтересованных в перепалке новичка и «Тени», как прозвали юношу за расположение камеры и привычку прятаться в дальних углах, вернувшийся дозорный пригрозил побоями, умирив гнев Касена, хоть и недолго. Тень знал, а может, просто умело сочинял истории, и временами его нежный голос раздавался в тишине, распевая успокаивающие мелодии. До самого утра всё было спокойно. Под очередную песнь, перебивать которую не позволяли заключённые, обещая Касену самую жестокую расправу, все отправились в мир сладких грёз, где каждый видел диву невероятной красоты, лояльную именно к нему. Всё кончается, и с рассветом пришёл Занран, забрав юношу из камеры, укоризненно качая головой: один из местных теперь уже постояльцев, видимо, любитель поспать до самого обеда. С Касеном было решено разобраться сразу после того, как Занран накормит юношу в знак извинения за причинённые неудобства. До побега из дома младший представитель рода Велтар часто вставал позже других из-за ночных гуляний, и прислуга старалась не шуметь, чтобы Сафин, святая простота, не проснулся раньше времени. Настроение наследника могло колебаться от плохого до отвратительного, ни на йоту выше плохого. Сейчас же было тихо — по иной причине: интерес к необычному гостю. Его отмыли, одели в вещи Сафина и спустили к столу, наблюдая из-за угла за молодым человеком, который, несмотря на изувеченное шрамами лицо, держался как отпрыск благородной семьи. Если хотите, могу помочь с дальнейшим развитием или редактурой.

— Могу я спросить, почему ваш племянник сбежал? — спросил Линра.

— Да шут его знает, — пожал плечами мужчина. — Наверняка опять с друзьями замышляет что-то, пытается заставить отца посидеть от страха. Его мать ушла от нас очень рано и не привила ему любви к этому миру, а мы с отцом, увы, в этом не сведущи, — объяснил он, стараясь оправдать лояльное отношение к выходкам юного племянника.

— Я хочу бумагу. — вдруг улыбнулся Линра, ловя мужчину за руку и вызывая его недоумение. — Я провёл в стенах Эверхона целых пять месяцев и хотел бы объясниться за задержку.

— Но ты можешь использовать эту бумагу против нас, — заметил Зар с долей сомнения.

— Такого нет в моих планах, — ответил Линра. — Я должен был встретиться с кое с кем, но знатно припозднился.

— Ох, ты заставляешь меня чувствовать себя ещё более неловко, — усмехнулся Зар. — Хорошо, я напишу объяснительное письмо. Не хочу запятнать ни честь семьи, ни репутацию города.

— Ты... как тебя зовут? — внезапно спросил Занран, уже выходя из столовой.

— Линра, господин Велтар, можете звать меня Линра, — тепло улыбнулся парень. Менее чем через полчаса мужчина вернулся с свитком, где подробно была изложена причина заключения и последующего освобождения после выяснения всей правды. Пробежав взглядом по строчкам и задержавшись на печати, Линра кивнул и поднялся из-за стола, даже не притронувшись к еде.

— Благодарю за гостеприимство и вашу великодушную помощь в моих тяготах, господин Велтар, но время не ждёт. Не позволяя остановить себя, он двинулся к выходу. Занран был доволен, что всё разрешилось мирно, вплоть до того момента, когда узнал, что Касен Алур в неистовом припадке разбил лицо о каменный пол камеры и не удавалось его остановить, пока тот не проломил себе лоб. Заключённые рассказывали, что новичку велел это сделать "Тень" прямо перед тем, как Занран забрал его из тюрьмы.

4.

— Что это были за намёки такие? — заинтересовался Эрсул, заметив, что Сафин достаточно успокоился, чтобы вспомнить о проблеме.

— Намёки? Я говорил открытым текстом, — отмахнулся Сафин.

— Думаю, твой отец всё же прав — Элин плохо на тебя влияет, — укоризненно покачал головой Мура.

— В таком случае, почему наш друг не заделся моими словами? Разве это не было бы логично, если он чист на руку? — вопросительно поднёс бровь Сафин. Будь он виноват, наверняка обиделся бы. Чужак же предпочёл полностью проигнорировать высказывания, значит демонстративный интерес к Ликс — лишь показуха. Либо он смирился со своими увлечениями, либо слышал о них так часто, что перестал принимать подобные слова всерьёз.

— Его поведение можно расценивать как акт отчаяния. Но разве мы дали повод усомниться в себе? Поиски только начались, и он уже осторожничает с нами. Но перед чужаками, не приставленными к нему для охраны и защиты, он открылся, — последние слова явно выдали раздражение Сафина. Приятно щекочущее чувство в груди позволило Эрсулу широко улыбнуться, заметив уязвлённое "эго" друга.

— Может именно потому, что к нему никто не приставлен? Может, он не доверяет нам так же, как и мы ему? — пожал плечами Эрсул. Ему казалось, что для него нет разницы, доверяет ли Амрес, но в любом случае отказаться от поисков беглеца он не мог.

— Скажу больше, он наверняка считает Элина заложником. Его шесть часов допрашивали, а потом ещё и помощь предложили, как ни в чём не бывало — возникнут подозрения.

— Значит, он ищет опоры, — нахмурился Сафин.

— Похоже на то. Так что будь с ним помягче, — усмехнулся Эрсул, явно довольный результатом. С одной стороны, он ответил на просьбу Элина помочь наладить связь между Амресом и Сафином, сгладив конфликт, с другой — облегчил себе работу.

— Элин простой, несмотря на благородное прошлое его рода, — хмыкнул Сэф, удовлетворённый решением. — Если оплошает, я отдам его тебе. Эрсул знал, что после последней неудачи Элина с заданием Вегра уже не отделается легким унижением. Если бы Мура знал, каким жестоким порой бывает Сафин, он точно не стал бы откладывать разговоры о признании Элина. Ведь лучше наслаждаться услугой для глаз как можно дольше, чем нервничать, что она вот-вот исчезнет из жизни. Прибытие в Виран быстро вернуло Эрсула в суровую реальность. Несмотря на праздничную славу города, люди здесь стремились к заоблачным идеалам, порой ставя на кон собственные жизни. Игрные дома процветали, принося неплохую прибыль командующему гарнизона, основателю первого такого заведения. Проиграв всё, люди пили на последние медяки крепкое пойло, от которого нередко травились, но если удавалось выжить — шли в публичный дом, чтобы заглушить тоску. Более умные гости тратили деньги на развлечения, избегая игорных домов. В городе, где каждый день царил праздник, лишиться всего можно было даже мирным способом. «Золотое перо» — пятый по размеру игорный дом, им заведовал старец, к которому направили Сафина. Юношей встретил просторный зал с высокими потолками, украшенными деревянными балками с золотой резьбой, словно дерево было лишь фасадом. Стены выкрашены в тёмные тона: бордовый, глубокий зелёный с позолотой и бархатными панелями, разделяющими зал на зоны. На рассвете место сияло утонченностью и строгостью, но к вечеру наполнялось музыкой, смехом, громкими скандалами и подначиваниями повышать ставки. Блестящие канделябры и люстры с хрустальными подвесками играли бликами, наполняя всё роскошью. Когда обдираешь кого-то до нитки, гордиться этим подряд, если голова в порядке, не самое разумное занятие. Но игорные дома охранялись хорошо, поз-

воляя погрязшим во власти забыть про этикет и вежливость. Посреди зала Сафин заметил высокую колонну — это были цилиндрические часы. Дважды в час блюда над циферблатом звенели тонко. С первым звонком смолкали разговоры — начинался новый раунд, со вторым — раздавались ликования, стоны разочарования, споры и шуршащая возня; драки не приветствовались. Старик, закрытый в кабинете с окном на зал, внимательно слушал, что происходит. Один глаз его сверкал золотом в отблесках, кисти рук крепко сжимали деревянную шкапулку. Попасть к нему можно было только одним путём — устроить мордобой и, желательно, победить, обвинив оппонента в жульничестве. Но такой ход обрекал проигравшего на немедленную расправу, так что выбирать противника приходилось внимательно. Миловидные полуобнажённые девушки с ног до головы не стесняясь бегали по залу с подносами, уставленными стопками сиреневой жидкости. Эрсул, разбирающийся в выпивке, был приятно удивлён напитком, однако менее чем через полчаса Сафину пришлось ловить друга, визжащего истерикой по всему залу. Напиток скрывал взрослый сюрприз, и многие завсегдатаи игнорировали местные угощения, но с удовольствием наблюдали за «представлениями» новичков. Часть из которых была радостной, но больше — истерической в перемешку с хохотом. Эрсулу чуть не пришлось выводить Сафина силой, если бы друга не привлекла подходящая «жертва». Выросший на идеалах тех, кому он безоговорочно доверял, и при этом обладающий исключительно мужским видом стражник, занимающийся непотребствами, сильно выделялся на фоне стражей из Эверхона. Обвинение сорвалось с губ юного Велтара даже раньше, чем он успел убедить себя в необходимости именно такого подхода, и зал внезапно погрузился в гробовую тишину. Чуть более сотни пар глаз сначала устремились на предполагаемого мошенника, который, опешив, вытаращил глаза на Сафина, сидя за игральным столом, а затем те же глаза поднялись вверх — там в тишине скрипнули половицы.

— Слеп, да не совсем, слух мой остёр, но, видимо, недостаточно, — квакающий смех, издаваемый ртом, в котором почти не осталось зубов, прокатился по залу волной, холодя ноги. Частично оправившись, Эрсул велел себе заткнуть рот, но силой воли это не удалось — пришлось применить руки. Он спрятался за спину друга и украдкой наблюдал за мрачной картиной. Обвинённый молодой стражник Вирана с покрывшимся потом лбом внимательно следил за неспешными шагами старика. Его грудь вздымалась частым дыханием, издавая страх, а дрожащие руки так крепко сжимали игральные кости, что пальцы побелели. — Может ли мальчик доказать? — преодолев последнюю ступень, которая, несмотря на кажущуюся угрозу, не представляла серьёзной опасности, спросил старик.

— Он... подменял кости перед каждым броском, — торопливо ответил Сафин, придумывая на ходу, так как не знал, в какую игру играют за столом. — Мой дядя показывал мне, как это делать, но я так и не научился — руки не такие ловкие. А вот ему повезло куда больше. — «Если уж врать, делай это убедительно» — именно этому Сафина учил Занран Велтар, но эти слова предназначались для Хэйбла Велтара, способного разоблачить любителя мелких обманов.

— Подменял кости? — эхом повторил старик, схватил Сафина за руку и поволок его к столу. Соперники обвиняемого поспешили отойти от стола, чтобы не оказаться вовлечёнными. — Скажи-ка мне, мил человек, на какое число он ставит? — обратился старик к молодому парню у круглого барабана, расчерченного на сектора. — Поставь на то же сейчас. Ты же не ошибся? Чего бояться? — из зала раздалась первые одобрителные возгласы, словно первый дождь перед ливнем. «Две пары» — дрожащая рука стража, осмотревшись в поисках поддержки, выпустила кости. Они громко застучали по деревянной поверхности и, перекатываясь, покатались к другому краю стола. Помощник накрыл кости тарелкой, прежде чем они остановились, и поднял взгляд на бросившегося к выходу стражника. Старик кивнул, позволяя поднять чашу, и его лицо озарила печальная улыбка. — Не повезло, — констатировал он.

На костях выпал пятый дубль, и если бы стражник остался стоять, уповая на удачу, всё могло закончиться иначе.

— Мне кое-что передали для вас, — тихо сказал Сафин, привлекая к себе внимание старика, который с укоризненным видом наблюдал, как «стражи» игорного дома устраивали кровавую расправу. — Из Валнира, — добавил Сэф и вложил в протянутую руку старика письмо. Того хватило взгляда на печать, чтобы лицо посветлело, и он поспешил к своему укромному месту на втором этаже.

— Мой внучок давно не писал мне, — жаловался старик, изучая под лупой быстрые каракули. После этого он раздражённо покачал головой, сжигая письмо над пламём свечи. Свеча стояла на краю стола, служила не освещением, а лишь создавалась для общей атмосферы таинственности. — Что ж... Да, я помню такого человека. Боролся честно, глаза его блистали, жадность в крови закипала с каждой новой ставкой... Но проигрыш не опечалил его совсем. Он покинул нас спокойно, и мне даже померещилось, что жаль терять такого клиента... Что же он натворил? — закончил он задумчиво.

— Взгляните, пожалуйста, на этот портрет. Можете ли вы сказать, что этот человек тогда приходил? — вынув изображение сбежавшего Азелия, Сафин развернул его перед стариком. Тот долго изучал мазки под лупой, но в конце концов отрицательно мотнул головой.

— Нет-нет, мужичок был старше, жирный, как Кхар, а наши девочки поговаривали, что пах он странно. Чем-то затхлым, словно долго под землёй пролежал. Кажется, он из Эверхона, но не уверен.

— Касен, — уверенно кивнул Эрсул, — он в то время часто уезжал из города. Жирный и мерзкий — точно он.

— Спасибо, — склонившись, выразил благодарность Сафин и направился к выходу из чужого кабинета. Ниточка казалась тонкой и хрупкой, но, учитывая, что бывший тюремщик потратил сумму, явно превышающую его месячный доход, это могла быть важная зацепка. Если бы Касен Алур действительно копил деньги так давно, вряд ли бы расстался с ними столь спокойно, как сказал старик. Значит ли это, что оба брата проникли на территорию Кадрамара через Эверхон? И почему тогда влиятельное появление старшего стало достоянием общественности, а младшего — осталось в тайне? На развилке, ведущей в столицу, Эрсул задумался, не стоит ли им срочно нагнать Элина. Юноша знал, что Касен Алур приобрёл дом недалеко от этой развилки, в живописном местечке. Сведения у него были небезкорысны, однако он и представить не мог, что они пригодятся, поэтому предложил навестить бывшего тюремщика. Идея была разумной, хоть Сафина и тревожила мысль, что Касен может столкнуться с братом Амреса. Однако он не исключал, что Алуру просто заплатили премию на прощание. Нужно было расспросить мужчину. Тем временем, обретший свободу юноша, пряча недовольство за мнимой гордостью держал аккуратно сложенный свиток в руке. Дата и срок заключения в тюрьме Эверхона, неприятно мазолили взгляд, но будущее неизменно требовало скорейшим образом менять некогда выстроенный план, подстраиваясь под новое течение. Временами Кадромар казался ему смешным местом, ведь проведший на его земле десять месяцев по закону смело мог считать себя подданным короны. Лишь не многим выдавшим истину было ясно, что смена места жительства никоим образом не влияла на твою новую жизнь. Линра знал: чтобы начать новую жизнь, нужно решить старые проблемы и не дать появиться новым. Бескрайние просторы Кадрамара манили умиротворённостью — зелёные луга, словно волны, качали стебли молодых саженцев под озорной ветер, наполняя воздух приятными ароматами. Это место, свободное от грозowych штормов, было скрыто плотным барьером, словно игрушка в руках заботливого взрослого, берегущего своё творение. Месяцы, проведённые в тесной камере, никак не убили в Линре любопытство к свободе: он осматривал тропы, редкие травы близ Эверхона, насекомых и даже небольшие трещины в земле, слушал солнце, согревающее его и напевал от переполнявшего душу счастья. Казалось, сама природа подыгрывала

ему, окрашивая мир в яркие летние краски. Люди, усталые от каждодневной рутины, тянулись к нему, расцветая счастливыми улыбками и пускаясь в пляс. Покидая лес, близкий к Вирану, Линра выменял у заводчика Кхаров в первой попавшейся деревушке самца. Внешне грозный мужчина оказался гостеприимным и, вопреки виду, любил печь ягодные пироги. Он иногда продавал их купцам, шутя, что готовит их его красавица дочь, а Линра, отвечая на жизнерадостный характер хозяина и восхищение всем вокруг, решил открыться. Мужчина предупредил, что путники обычно выбирают кобылиц, ибо те покладистее и способнее защитить наездника на главных дорогах, где немало грабежей и опасностей. Кобылы используют материнский инстинкт и накрывают человека своим чешуйчатым телом, унося с минимальными повреждениями в безопасное место. Налётчики на торговцев и чрезмерно самоуверенные путники, осмелившиеся отправиться в путешествие в одиночку, часто использовали для охраны плотоядных дрессированных животных, чаще всего Илугов. Несмотря на затраты на выращивание и содержание, а также на их лёгкое обнаружение, именно эти звери приносили большую часть успешных налётов. При встрече с Илугами самки Кхаров, которые питаются лишь травой и изредка дождевыми червями, ощетинивались, раскрывая вокруг шеи витой воротник ярко-красного оттенка. Они сворачивали в пасти язык, усеянный мягкими усиками, и, двигая им из стороны в сторону, демонстрировали намерение атаковать, иногда отпугивая хищника. Большая часть угрозы в таких случаях снималась за счёт ухода в безопасное место самого наездника. Другое дело — самцы Кхары. Обделённые материнским инстинктом, они были прирождёнными бойцами. Их хвосты могли достигать полутора, а то и двух длин их тела и покрыты острыми шипами. В случае нападения они могли попросту перерубить нападающего, если бы у того не было шкурки, такой же прочной, как у Кхара. Однако в брачный период самцы проливают слишком много крови, именно поэтому их содержат по одному в каждом загоне на заводской ферме. Хотя они более выносливы и сильны, самцы совершенно непригодны для верховой езды — малейшая ошибка наездника может стоить ему жизни, ведь Кхар способен раскусить своего наездника пополам. Вопреки отсутствию страха у слушателя, мужчина всё же продал самца за символическую сумму, понимая, что брать плату, как за самку с будущего покойника — совершенно недостойно. Так среди первых “друзей” Линры, достойных доверия, появился Кхар по имени Гиро. Дорога, связанная с новой жизнью, лежала в сторону столицы, ведь менее чем через шесть месяцев наступит день великого раскола — мирное торжество в честь павших братьев. В этот день три царя соберутся на пиршестве и поднимут чашу за благополучие трёх королевств.

5.

— Хмм? Примерно неделю назад к нам наведывался отряд стражей Эверхона — они увели отца и до сих пор не вернули. Может, я смогу помочь? — молодая девушка внушительных размеров, хотя и по возрасту ещё совсем юная, приветливо улыбалась гостям, часто облизывая потрескавшиеся губы от волнения. Сафин не раз видел её, особенно по трактирам, и знал, что после переезда в эту глухомань и потери возможности видеть юношу, который завоевал её сердце, её нрав ухудшился. Она привыкла думать, что род Алур ничуть не уступает велтарскому, и потому была уверена, что достойна стать партнёршей этому юноше. Потеря контроля наносила ей сильный удар, однако появление Сафина у порога сделало её на миг счастливой. От волнения и неожиданности она не успела привести себя в порядок, пряча в складках юбки руки, потрескавшиеся и болезненно пострадавшие от тяжёлой работы в огороде за домом.

— Не думаю, — Сафин отрицательно покачал головой, сжав губы, стараясь дышать как можно реже, чтобы не выдать своего отвращения к царившему в крохотном домике запаху. Видя его "муки", Эрсул заметно оживился.

— А может, всё-таки да? — заинтересованно спросил он и, улыбнувшись, сев поближе между девушкой и подлокотником дивана, продолжил: — Нам кое-что рассказали, и мы застряли в тупике. Твой отец пару месяцев назад потратил кругленькую сумму в игорном доме в Виране. Как думаешь, зачем? — Эрсул был сложной натурой — змей, который сладким голосом мог усыпить внимание, а стоит тебе расслабиться — впустить яд в тело и разум. Никогда не знаешь, с какими намерениями он пришёл и на что готов ради своей цели.

— Сколько? — глаза девушки заблестели любопытством. Положение Мура и Алур сейчас было схожим, и понимая, что от Эрсула не так просто отделаться, она решила поиграть вместе с ним в эту искусную игру.

— Восемьсот золотых. Вы ведь на такие деньги могли бы не один год жить в доме гораздо приличнее, чем этот, — наигранно сжалился юноша, нежно лаская её щёчки, словно действительно надеялся завоевать сердце красавицы.

— Что? Из-за этого отца забрали? Какая глупость! Это был приказ одного человека, — фыркнула она, отодвигаясь от Эрсула.

— Какого человека? — оживился он, постукивая пальцами, давая Сафину знак показать портрет Азелия.

— Странствующий торговец. Его ещё зовут сказочником, — ответила девушка. — Он попросился к нам переночевать тогда, когда я была больна и часто сидела в своей комнате. Он осмотрел меня и сказал, что причина моего недуга в том, что отец забрал нечто, что ему не принадлежит — украшения, очень красивые, я таких никогда не видела. Видно, они были очень ценные, раз стоили восемьсот золотых. Отец принёс их с работы, сказал, что подарили, но в тот день признался, что отнял их силой у кого-то. Когда драгоценности исчезли из дома, я поправилась... во всех смыслах, — смущённо закончила она, приглаживая платье и ловко отодвигая настырного юношу.

— А он не рассказывал, как выглядел тот человек? — удивился Сафин, который явно заинтересовался этой историей.

— Нет, — девушка покачала головой. — Отец называл его уродцем, чудовищем, вырожденком. Часто вспоминал, но когда ушёл с работы, перестал говорить о нём. — В этот момент привязанные у ограды самки Кхаров зашипели и завывали, будто на них напали. За окном стояла глубокая ночь, но Сафин терпеливо выслушал историю, поднялся и, чтобы вдохнуть свежего воздуха, вышел на улицу, прикрываясь проверкой. В темноте он слышал тяжёлую поступь уда-

ляющегося Кхара, но разглядеть что-либо не мог. Желая проявить гостеприимство и использовать ситуацию в свою пользу, девушка предложила юношам ночлег. Но в неравном бою с Эрсулом, который заявил, что хоть они и мерзавцы, но не извращенцы, она, обиженная и рассерженная, выгнала обоих спать в сарай на стоге сена. На рассвете Эрсул заметил следы на дороге. Да, это был Кхар, но далеко не самка — крупный самец. Юноша предположил, что зверь сбежал с фермы, поэтому нужно быть предельно осторожными. Сейчас не время брачного периода, и самки не смогут защититься от такого хищника.

— Если Алура забрали в Эверхон, может, нам стоит вернуться? — задумался Эрсул. — Он мог что-то узнать.

— Разделимся? — предложил Сафин без тени сомнения.

— Ага! Хочешь от меня избавиться? — раздраженно выкрикнул Эрсул.

— Нет, я тоже думаю, что Карсен может что-то знать, но не хочу надолго оставлять Элина с чужаком. Ты же знаешь, какой он, — нехотя пожал плечами Сафин, имея в виду друга.

— Ты добровольно обрекаешь себя на его нитьё, — усмехнулся Эрсул. — не вини меня потом, извращенец!

— Пошёл ты! Я поведу их обратно по главной дороге, чтобы ты мог нас найти. И оставлю засечку на воротах, если мы покинем столицу, — предупредил Сафин, пожав руку другу, и отправился в сторону столицы.

— Осторожнее с Кхаром, если увидишь — беги к нему! — крикнул ему в спину Эрсул и повернул в сторону Эверхона. Несмотря на беспокойство, Сафин не спешил, будучи уверен, что Элин уведёт незваного гостя из столицы, как было условлено. Возможно, они встретятся где-то на полпути. От скуки, вопреки завуалированному предупреждению, парень игриво следил за отпечатками лап зверя. Следы то исчезали на обочине в мягкой траве, оставляя смятую лежанку, то с комьями грязи возвращались на дорогу. Зверь бродил неспешно, наслаждаясь новой свободой. По пути в Миретар Сафин встречал деревни с людьми, и наблюдая за ними, чувствовал неловкость. В этих местах люди улыбались и были счастливы, хоть в пройденных ранее деревнях атмосфера была совсем другой — мрачные лица стали привычными. Здесь же царила любовь к жизни; из деревни в деревню неслась одна и та же песня, врезавшаяся в память и раздражавшая парня. Не выдержав любопытства, Сафин заговорил с жителями уже в третьей по счёту деревне. Каждый рассказывал свою правду: кто — о чудесах, кто — о мистических историях, но везде звучали сказания о незнакомце, странствующем лекаре. Говорили, что он умел заклинать огонь — заставлял искры плясать ровно и тепло, словно сама природа отзывалась на его голос. Его речь была слаще утренней зари — нежная и манящая; каждое слово согревало сердце, будто под серебристой пеленой тумана пробуждался новый день. Описывали звон колокольчиков под дождём и запахи, какие оставлял за собой странник: бадьян, мёд и хвойная смола. Всё это превращало обычную дорогу в настоящий праздник. Говорили, что он приносил свет — не искусственный блеск, а внутренний, что пробуждает в усталых людях забытые радости; исцелял раны — не только видимые, но и скрытые глубоко в сердце и теле, принося облегчение и надежду. Чем больше звучали благодарности, тем сильнее в сердце Сафина росли сомнения. Молодые лекари на пути к славе часто прибегают к хитростям, чтобы сделать имя известным. Но этот странник, хотя и приобрёл влияние, явно не знал общих правил. Такие люди, как падающие звёзды, быстро вспыхивают и так же быстро гаснут, и мало кто обращает на них внимание. Несмотря на притягательность легенд и рассказов о безвозмездной помощи, даже если он делал это из корыстных соображений, такое благородство заслуживало уважения. Сафину захотелось встретиться с этим странником, проверить правдивость легенд, познакомиться и, быть может, даже подружиться. Деревенские описывали его как загадочного юношу с настолько простым лицом, что оно быстро стиралось из памяти, словно излишнее воспоминание. Так, незаметно для преследовавшего неизвестность Велтара, горизонт окрасился в очертания столицы Кадрамара. Миретар возвышался неприступной крепостью и был круп-

нейшим городом королевства. Неудивительно — все тайны, имеющие вес, сосредотачивались внутри этих стен. Даже жители Валнира, самым отчаянным образом стремившиеся добыть заветную информацию, могли годами бродить по улицам, оставаясь ни с чем. Странник пропал с дороги Сафина примерно полтора дня назад, по всей видимости, решив не посещать столицу. Возможно, это и к лучшему, ведь в Миретаре был свой "чудотворец" — чародей короля. Немногим более двадцати лет назад он прибыл в Кадрамар, подарил людям надежду и защитил приглянувшиеся ему земли неприступным барьером. Этот день вошёл в историю, и ежегодно жители посвящают один день, посылая в небо слова благодарности, в надежде, что шальной ветер донесет их искренние чувства до ушей чародея, вечно занятого в своей башне. Блуждая по улицам столицы, Сафин надеялся натолкнуться на Элина. Им не особо везло, и неизвестно, что скажет Карсен Алур, поэтому можно было рассчитывать на второй источник информации. Юноша был удивлен, увидев друга у ворот королевского дворца, самозабвенно рассказывающего о величии королевского чародея. За полчаса, пока Амрес с Элином стояли у врат, дважды в шпиль башни ударили молнии с необычным зеленым оттенком. Атмосфера в столице была напряжённой, и Амрес заметил, как его волосы реагируют на происходящее — они постоянно двигались, словно он находился либо в полёте, либо под водой.

— Чародея зовут заговорившим грозу, — с гордостью заявил парень. — Посмотри, на небе ни облачка, а молнии всё равно рождаются и сходят к его башне.

— На самом деле, над нами нет настоящего неба, — задумчиво ответил Амрес, всматриваясь в необычное явление. — Оно слишком чистое для тех, кто живет рядом с Альянсом Островов. Мы зовём наш край Облачным Альбионом не просто так. Наши люди занимаются добычей и переработкой молний. Могу с уверенностью сказать, что существует три вида молний: белая — самая распространённая, лиловая — редкая, сопровождающая сильные штормы, и золотая гроза. Но зелёной молнии в природе не существует, — закончил он, отрицательно качая головой.

— Видишь, твои знания неполные, — усмехнулся Элин. — Перед тобой наглядное опровержение твоих слов. — За время совместного пути они немного сблизились. Амрес стал более раскрепощённым и даже проявлял доверие к юному Вегра, который всегда цеплялся за него, чтобы чужеземца не унесло в толпе.

— Можно ли встретиться с ним? С самим чародеем, — быстро уточнил Амрес.

— Нет, без разрешения никуда. Во дворец нас не пустят. А даже если написать запрос, ждать придётся не меньше полугода — знаешь, какая там очередь? — сказал Элин и, схватив друга за руку, потащил его по улицам столицы. Ведь в Миретар они приехали не для того, чтобы любоваться достопримечательностями, а искать сбежавшего брата.

— Вот как? — скользнув взглядом по спокойно наблюдающему за ними Сафину, Амрес неловко потер шею. Он сам не понимал, почему почувствовал лёгкое напряжение — его скромную личность так легко заметили среди толпы. — Неудивительно, королевский дворец — не проходной двор, туда сброд не пускают, — его смех звучал с некоторой радостью, будто он пришёл к нужным выводам.

— Было бы странно, если бы было иначе. Но если ты удержишься, уверен, мы сможем встретиться с чародеем. Я слышал, что он даже благословляет на счастливую жизнь — Элин просиял.

— Раньше я думал, что ваша вражда не так сильна, но теперь вижу, как ты стараешься причинить Эрсулу душевную боль, — наигранно опечалился Сафин, появляясь перед другом. Он не планировал этого, однако раз его уже заметили, наблюдать издалека стало бы лишь поводом для ещё большего недоверия.

— Сэф! Давно в столице? — сразу переключился на подросшего друга Элин. Именно из-за этого он не заметил, как изменилась гримаса Амреса — лицо того сжалось разочарованием. Брошенное Сафином вскользь сообщение, что они с Эрсулом нашли след пропавшего

мальчишки в Виране, не произвело на Амреса никакого впечатления. Казалось, он знал — это ложь чистой воды, или же настолько хорошо читал Сафина, будто знаком с ним не один год. Амрес не склонен к болтовне и часто улыбается в разговоре, но, казалось бы, впервые оказавшись за пределами Альянса и добравшись до Кадрамара, он должен был восхищаться окружающим. Это естественная реакция: даже Элин шатался по улицам разинув рот. Но Амрес сдержан — словно старик, уже умудрённый опытом, ведущий внука в большой мир. Такое возможно лишь в двух случаях: либо у него полно дум, и на пейзажи нет времени, либо его просто трудно удивить. Сафин склонялся к первому, и потому жаждал узнать, о чём думает этот человек. Оказалось, дворец короля стал излюбленным местом Амреса. Он часто попадал в поле зрения гостя — внушительное здание притягивало его взгляд и заметно напряжённо действовало на него.

— Элин сказал, что в Эверхоне ты человек важный, Сафин Велтар, — с легкой снисходительностью произнёс Амрес. Это немного подкосило Сафина, но он удержался от колкостей, понимая: из-за разницы в возрасте Амресу, наверное, просто завидно, что у него нет влияния на землях Кадрамара. О себе Велтар рассказал мало, но кое-что можно было узнать — главным образом из-за влияния его семьи. Мужчина усмехнулся, присаживаясь на другой конец подоконника. Увидев недовольный взгляд Сафина, поднял руки в знак примирения: — Верно говорят — кровь не вода. Вижу, ты мне не доверяешь. Не знаю, считается ли это дурным тоном, но уверяю — как только найду брата, сразу же уйду из Кадрамара. Мне здесь не нравится — вы слишком... другие. Отличаетесь от Альянса островов, сжаты словно рой. У нас простор и свобода, нет места, куда нельзя добраться воздушным судном, а вы вынуждены ходить пешком, влача жалкое существование, полное страха и тревог. — Амрес устремил взгляд на спокойные, умиротворённые улицы столицы, простирающиеся далеко за видимость. Из-за ограниченного бюджета и высоких цен они сняли одну комнату на троих в гостевом доме.

— Кадрамар не обязан копировать жизнь Альянса. Мы давно не связаны с вами, — кисло заметил Сафин.

— Говоря о твоей выходке, должен спросить — сможешь ли провести нас во дворец короля? — осторожно ткнул в самую болезную тему Амрес. Сэф не сразу понял подвох и решил ответить честно:

— Сейчас нет... — начал он, но услышал смехок и возмущённо посмотрел на Амреса — Это не значит, что род Велтар — сброд! — вспылil юноша, получив согласие кивком от Амреса. — Ты ведь солгал, да? — не хотел отставать Сафин, уставившись на молодого мужчину. Существенная разница в возрасте была заметна. Сэф отлично ухаживал за собой даже в походах — гладко выбрит и одет без единого пятнышка. К счастью, конец лета и дождевой сезон ещё не наступили, так что поддерживать чистоту было проще. Но для Сафина Амрес казался маниакалом, одержимым чистотой. Его явно раздражало, когда по-дружески цеплялся за него Элин, но мужчина старался улыбаться в ответ. Он только что вышел из ванной комнаты, где тщательно счищал с одежды пыль и, скорее всего, следы соприкосновения с чужим телом. Не испытывая нужды изображать лицемерного заядлого добряка, сейчас он выглядел более brutally, мужественно, и оттого — ещё более угрожающе.

— В какой-то степени, — усмехнулся Амрес. — Он должен быть в столице, всегда интересовался королевским чародеем Кадрамара и, думаю, не стал бы тратить время напрасно, прежде чем исполнит свою давнюю мечту. — Сэф извлёк портрет беглеца. Его взгляд вновь пробежал по кукольным чертам чужого лица — если бы он не знал, принял бы этого юношу за немного грубоватую, но достаточно красивую молодую леди.

— Если бы взял с собой ещё одного брата, поиски шли бы вдвое быстрее. Один человек не может быть в двух местах сразу, понимаешь? — спросил Сэф.

— Меня одного едва впустили. Что было бы, если бы привёл с собой последнего брата? Кадрамар не столь милостив к жителям Альянса. Я почувствовал это на собственной шкуре.

Так что твой отец был прав, решив сохранить меня в тайне. — Усмехнувшись, Амрес коснулся шеи. — Уверен, он достаточно умен, чтобы не выдать себя. Если нет — мы ищем не человека, а его могилу. — Мысли тёмные, но близкие к правде. Сэф это понимал.

— Будем надеяться, он не столь самоуверен, как его старший брат, — с улыбкой вспомнил Велтар откровенную глупость собеседника в Валнире. — Этот портрет тебе не пригодился. По чему ориентируешься?

— Не знаю, — безразлично пожал мужчина плечами. — Наверное, следуя зову сердца. — Немного подумав, тихо он рассмеялся, осознавая абсурдность своих слов. Взяв в руки лист, Амрес усмехнулся, немного нахмутив брови: — Обычно мы покидаем дом по мере взросления в одиночку. Иногда я беспокоился за братьев. Удивительно, что, когда впервые решил думать о себе, этот человек исчез из нашей жизни. Насколько помню, он пошёл в мать — такой же бестолковый, легкомысленный... — Внезапно он замолчал, тяжело вздохнул, сглотнув ком в горле.

— Не дави на жалость, это мерзко, — поморщился Сэф, что странно приободрило собеседника, тот усмехнулся, покачав головой:

— И не думал. Не знаю, что или кто придал ему сил, но если он жив — пойдет со мной. У него нет выбора. — После этих слов картина их воссоединения в голове Сэфа приобрела мрачный оттенок, такой же, каким казалось лицо Амреса.

— Твой брат здесь давно. Если хотел проникнуть во дворец, мы можем это проверить, — поделился Сафин и быстро отвёл взгляд.

— И как? — неохотно спросил Амрес, думая, что Сафин снова придумает какую-то ерунду для его проверки.

— Глава любого благородного рода должен направить во дворец официальный запрос. Примерно через неделю можно узнать, кто ожидает разрешения на визит. Пробежимся по домам, опросим их. Обычно их немного. Всё решится за пару-тройку дней, максимум — неделю. Это быстрее, чем надеяться на случайную встречу на улицах. — Это лучший и безопасный план, по мнению Сэфа. Хотя Элин говорил о большой "очереди", король Кадрамара не принимает всех подряд.

— Элин сказал, что его старшие братья сейчас здесь. Разве они не могут помочь?

— Зря он так болтает. Хотя считает себя умным, это всего лишь надежда. Братья не общаются с ним и вряд ли будут помогать. — Единственное, что они могут — приютить чужеземца. Зная характер старших братьев Элина, Сэф сомневался, что Вегрой будет легко манипулировать в дальнейшем — из-за этого могут быть разногласия с Эрсулом.

— Но мы же можем попробовать? — возразил Амрес.

— Да, можете, — сразу согласился Сафин, не желая устраивать шумиху на пустом месте. На единственной кровати, растянувшись во всю ширину, по-хозяйски спал Элин, время от времени отбрыкиваясь, как будто предупреждая, что делить ложе он не намерен.

— Но ты поступишь так, как считаешь нужным, верно? Если ещё не сделал, — с усмешкой спросил Амрес.

— Да, — саркастично ответил Сафин и, не встретив обиды, покачал головой. — Я уже послал письмо своему дяде, так что остаётся только ждать. Если твой брат проник в какую-то из благородных семей, мы узнаем, кто дал ему приют.

— Кто-то отчаянный, наверняка, — Амрес услышал это за спиной и нахмурился, бросив быстрый взгляд на Элина. Считая неразумным оставлять драгу наедине с Амресом, Сафин признал, что тягаться с чужеземцем одному ему не под силу. Расставание далось Элину тяжело — он был возмущён тем, что его снова оставляют одного играть роль няньки для гостя Кадрамара. Но друзьям снова пришлось разделиться, наглядно демонстрируя своё отношение к многолетней дружбе и подтверждая слова Амреса — Элина не ценят. Внезапно от Сафина последовал удар в спину: на воротах королевского дворца он предупредил стражу, что на территории Кад-

рамара появился человек, по вине которого охране Его Величества следует стать более внимательной. Неизвестно, что именно задумали Амрес и его младший брат, если тот вообще существует. Реален ли юноша несравненной красоты, с противоречивым характером — «любимец семьи», отважный на свободе, но трусливый перед братом? Как он сбежал? Почему? Амрес многое предпочёл утаить, не собираясь доверять своим помощникам. Стражи переглянулись, но имя и герб рода Велтар на груди Сафина заставили их с благодарностью склонить головы. В этот момент Сафин заметил, как лицо Амреса исказила самодовольная усмешка, словно он предвидел и подталкивал события к такой преграде. В тот момент с громким треском в шпиль башни чародея ударила золотая молния. По небу зашкварчала паутина трещин — повреждённый барьер издал мучительный стон, вспыхнул ослепительным светом и начал осыпаться мелкой сверкающей крошкой. Жители Миретара, подняв глаза к небу, увидели завораживающее явление: в чистом, казалось бы, голубом небе образовался провал, из которого вырвалась чёрная гроза. С центра барьера пошла зелёная волна, менее чем через минуту она вернулась, исцеляя повреждения. Гроза рассеялась, небо посветлело, словно ничего и не было — «Обновление барьера». Для жителей столицы это стало привычным, а вот невольные гости внушительным потоком стали валиться в глубокие обмороки от перенапряжения. Сафин долго размышлял над увиденным, понимая, что стал свидетелем чего-то необычного, возможно, того, что не следовало видеть чужаку.

6.

Возвращение в гостевой дом, где они успели обжиться и привыкнуть к своей комнатке, обернулось неожиданностью — её занял другой постоялец. Такое поведение казалось странным. Неужели, Элина и Амреса приняли за беглых преступников, возможно, отщепенцев, изгнанных благородными родами? Девушка за стойкой с ключами извинилась, вернула Элину оплату за необжитое время и попросила как можно скорее покинуть гостевой дом. По мнению юноши, виновником всему был Сафин. Они разошлись на не слишком хорошей ноте, и Элин подозревал, что друг мог сделать такую подлянку, но уверенности у него не было. Мирная столица за последние дни значительно изменилась — стала нервной. Улицы заполнили стражники в поисках кого-то, и, по словам Амреса, внимание было направлено именно на него. Он подтвердил опасения Элина — друг предал его.

— Мы почти на месте, — сказал Элин решительно. Он был уверен: не позволит загнать себя в угол и при встрече обязательно даст, если не физический, то хотя бы словесный отпор Сафину! В спешке пришлось искать что-то подходящее для ночлега — и как же кстати вспомнились братья, с которыми Элин всеми силами старался не встречаться. Видеться с ними, зная, что те непременно посмеются над младшим, ему совсем не хотелось, но оставить подопечного под открытым небом было нельзя. Хотелось выглядеть достойно в чужих глазах. Братья Вегра жили вместе в отдельном доме на седьмой улице от центра, недалеко от западных ворот столицы. Найти их дом ночью оказалось проще, чем можно подумать: у семейства была отличительная черта — любовь к люморам. Цветы, выращенные их матерью в саду, излучали слабое свечение, а вместе горели ярким маяком, так что дом был виден от начала улицы. Элин никогда не бывал в этом доме, но по письмам знал, что улица мирная и приятная. Успокаивая Амреса, он сам заметил неладное — несмотря на близость к центру, улица была вовсе без фонарного света, хотя фонари стояли по краю дороги, а тусклый свет из окон казался будто поглощаемым тьмой.

— Вот это да, ты спелся с простыми смертными? — внезапно прозвучал издевательский голос, заставив обоих остановиться. Амрес напрягся, стараясь вглядываться в темноту, нахмурив брови. Этот голос он точно не мог забыть, и пытался понять, не является ли происходящее плодом его воображения — ведь в Кадрамаре доверять нельзя никому.

— Кто ты? — неуверенно спросил Амрес в темноту и огляделся. Улица, прежде казавшаяся спокойной, теперь пугала мраком.

— Может, это твой брат? — загорелся неожиданной надеждой Элин и тоже огляделся. — Мы не причиняем вреда, слышишь? Давай поговорим. — Он попытался завязать разговор, надеясь, что удастся избежать конфликта.

— Вреда? Наивный ребёнок, если бы всё было так просто, — раздался смех, отчётливо усиливший меркнувший свет, который словно высасывал цвета, превращаясь в белые блики, похожие на сверкающие пылинки, спускающиеся с беззвёздного ночного неба. — Ты проделал длинный путь, это похвально, но толку — никакого. Думаешь что-то сможешь сделать? — голос словно эхом разносился вокруг, то приближаясь, то удаляясь, и вдруг лица Амреса коснулось нечто холодное и пахнущее сыростью. Он быстро дернулся в сторону и мельком увидел фигуру позади — тёмнее самой тьмы, окутанную дымкой, которая быстро рассеялась и исчезла, словно её и не было вовсе. "Агрессивно настроен?" — мысленно спросил себя Элин, оглядываясь и подбирая путь для отступления. Дом братьев был совсем близко, но успеют ли они? Момент подходящий — если у братьев Дамклер есть разногласия, то даже будучи невиновным Амресу стоит извиниться, позвать брата домой, надавить на совесть, убедить, что

всё будет в порядке, и попросить вернуться вместе. Брат наверняка должен понять. Однако надежды Элина на благоразумие Амреса быстро пошатнулись.

— Временных рамок ты не установил, — усмехнулся Амрес, — поэтому я пришёл сразу, как только у меня появилась свободная минутка. Раз соскучился, может, стоило вернуться самому? — Он прекратил осматриваться, прекрасно зная — это бесполезно. Его заметили, и значит завоевать доверие собеседника уже не удастся. — Вилье пострадал серьёзно... Неужели тебе совсем не жаль брата? — тихо спросил он.

— Забавно, твоё отчаяние — словно патока для ушей, согревающая мою душу, — но, боюсь, рычаг давления ты выбрал неверный. Разве Вилье не дорог именно тебе? — безразличие в голосе собеседника вызвало у Амреса скрип зубов. Просчитался?

— Почему ты так поступаешь? Ты правда думаешь, что можешь остаться безнаказанным?

— Я не стану вмешиваться, — спокойно ответил тот. — Ты напрасно полагаешь, что я полон благородства. Я лишь несу скверную весть, а как с ней распорядятся — дело не моё. — Его печальный вздох, словно холодный пар, пополз из тьмы. На другой стороне улицы мелькнул зелёный огонёк. Вцепившись в руку Амреса, Элин увидел среди тумана человеческую фигуру. Она была неустойчива, расплывалась и вновь собиралась, но в то же время казалась вполне осязаемой, когда игриво потрепала Элина по волосам в тщетной попытке успокоить его тревогу. Туманный человек улыбался чёрной бездной вместо рта, затем сжал горло Амреса и поднял его над дорогой: — Как жаль, что он выбрал тебя, — прошипел голос. — Как жаль, что оказался настолько жесток, чтобы разрушить тебя. Придёт время, и мы встретимся, но не сейчас... Беги прочь, маленький принц! — с силой отшвырнув Амреса, разрушилось человекоподобное создание. — Уноси ноги, о, отчаянный воитель, покуда не пересечёшь границу Кадрамара! Пусть страх пожирает нутро, а боль, вскипая в крови, сворачивает нервы, обжигая до тех пор, пока ты не окажешься за барьером, пока не вздохнёшь тот воздух, к которому привык! — пар взмыл волной, поглотил Амреса целиком. Когда дым рассеялся, бледный мужчина кинулся прочь, задыхаясь от удушающей боли, с гулко бьющимся сердцем. Элин остался в недоумении, моргая от шока. Туман исчез, вместе с ним и зелёный огонёк. Юноша боялся повернуться к тому месту, где был тот, кого они искали. Он не понимал, что произошло и как противостоять такому влиянию. Только когда один за другим на улице зажглись фонари, он отмер. Догнать Амреса не удалось, и Элин растерялся. К счастью, случайно встретился Сафин, который как раз прогуливался по ночной столице и собирался возвращаться в комнату, из которой выгнал надоевшую "парочку". Выслушав друга, Сафин отправился с ним к месту встречи. Они внимательно осмотрелись, пытаясь выстроить приблизительный маршрут, но улица оказалась тупиковой. Если кто-то был на противоположном конце, чтобы уйти, ему пришлось бы пройти мимо Элина.

— Господин Линра, у вас очень красивый голос, — Джунила Талес осторожно вошла в оранжерею, где недавно оставила незваного гостя перед тем, как сообщить отцу о желании Линры встретиться с ним.

— Простите, не думал, что моя маленькая слабость раскроется перед кем-то, — смущённо улыбнулся юноша, прикрывая лицо платком. Дорога привела Линру в Молсан — ближайший к столице город в полутора днях езды. Его прозвали "пуховым". Многие утверждали, что из-за наивной доброты местных, желая таким образом либо унижить горожан, либо просто поддеть их. Линре предстояло выяснить, оправдано ли такое мнение.

— Не стоит стесняться, — тепло улыбнувшись, сказала Джунила, подавая юноше руку. — Подобная забава придётся по душе вашей избраннице. Ступайте за мной, отец согласен принять вас. Но обязана предупредить: душевное состояние отца тревожно. Прошу, не принимайте на свой счёт его неосторожные слова, если они появятся. — Однако Линра встал самостоятельно, чем смутил девушку. Будучи старшей дочерью рода Талес, Джунила привыкла, несмотря на молву о своём холодном нраве, оказывать активную поддержку встречным.

— Разумеется, — не осмеливаясь взять её руку, ответил Линра, заведя руки за спину и сцепив их, благодарно кивнул. Прибыв в Молсан пару дней назад, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы попасть к нужным людям, и оскорблять благородную леди — старшую дочь и, вероятно, будущую главу рода — он себе позволить не мог. Его приняли в доме Талес не просто так: как странствующего лекаря, Линру обязали помочь младшей дочери рода, заболевшей тяжёлой болезнью, и таким образом следуя своему плану — завоевать доверие главы рода. Вокний Талес пользовался в народе славой человека жестокого и непреклонного. Его стальной голос, хриплый и властный, позволял принимать решения, порой далекие от гуманности, и лишь немногие знали, как сильно он от этого страдает. Мужчина был уверен, что долгая болезнь его младшей из трёх дочерей — следствие его конфликта с племянником и его чрезмерно жадной супругой. Под зорким присмотром Вокния, Линра осмотрел Фемну Талес — светловолосую молодую девушку с некогда жизнерадостным лицом, чей портрет юноше довелось увидеть по дороге в комнату больной. Сейчас она выглядела весьма болезненно: её бледная, сухая и трескающаяся кожа причиняла невыносимую боль при малейшем прикосновении. Каждая смена простыней сопровождалась слезами, обжигающими солью. Когда-то густые волосы проредились до видимых проплешин, а пальцы рук и ног часто мерзли и темнели. Фемна с испуганными зелёными, увеличенными от худобы глазами стыдливо пряталась, то смотря на жестокого отца, пугающего своим суровым видом, то на незнакомого юношу — уродливого, но с тёплыми руками. Вокний чётко поставил условия: если Линра не справится с болезнью дочери, на поддержку рода рассчитывать не придётся. Однако осмотр показал, что у Фемны как таковой болезни нет. — Мне понадобится время, — задумчиво заключил Линра, подперев голову рукой. В комнате было достаточно света, но дневной свет был бы кстати. Вызов к девушке поступил лишь поздним вечером — юноша списал это на нежелание демонстрировать род Талес как обедневший.

— Вы действительно сможете ей помочь? — устало вздохнул Вокний, внимательно наблюдая за Линрой. За последние два года Фемна уже почти исчерпала силы на попытки исцеления: за это время побывало много лекарей, которые только усугубляли её состояние.

— Такая вероятность есть, — ответил Линра, нахмурившись. — Но я не могу понять, что именно с вашей дочерью. Сначала мне показалось, что её ранила Тарехэлла — распространённое в степях заболевание, сопровождающееся повреждениями кожи, похожими на её. Однако некоторые симптомы вызывают сомнение. Тарехэлла даже в запущенной форме не нарушает кровообращение и лишь немного провоцирует выпадение волос. — Он поднялся, взял девушку за подбородок и повернул голову к окну, всматриваясь в мелкие рубцы на шее. — Если не Тарехэлла, то может, горная стера? — продолжил Линра. — Это редкое в Кадрамаре заболевание, передаваемое фруктами, заражёнными личинками насекомых, паразитирующими в организме и истощающими человека. Для размножения личинкам нужна высокая влажность. — Юноша опустил на колени, протиснулся под кровать и с силой подул туда, поднимая облако пыли. Собравшиеся смотрели с недоумением на диковинное поведение лекаря.

— Что он делает? — спросила Фемна. Для неё лекарь перестал быть пугающим — теперь она понимала, что терпение отца на исходе, и тот в любую минуту может выгнать этого самозванца.

— Господин Линра... — устало позвал Вокний. Он разделял мнение дочери и молча надеялся на обращение к остаткам чести юноши, чтобы не применять силу.

— Раз уж это невозможно... — прокряхтел господин Линра, продвигаясь всё глубже под кровать. — Значит, причина кроется в чём-то другом! — громче провозгласил он. Джунила, стоявшая рядом с отцом, виновато поджала губы, осознавая, что именно ей придётся отвечать за этого человека. — Но в чём же именно дело? Я уверен, что вы принимали немало лекарей, однако все они, к сожалению, оказались бессильны... Потому что ваша дочь вовсе не больна, — тихо усмехнулся Линра, выбираясь из-под кровати. С довольной улыбкой он подошёл к стро-

гому, явно недовольному вердиктом Вокнию Талес и протянул руку, сжимая в кулаке нечто невиданное: — Есть ли у вас что-то глубокое и прозрачное? Ваза, горшок, какой-нибудь сосуд? — обратился он теперь к Джуниле.

— Потрудитесь объясниться! — голос Вокния обострился. — Я доверился вам, надеясь, что именно вы поможете моей Фемне. А вы заявляете, что она здорова? Не ослепли ли вы от гордости своими умениями?! — внезапно мужчина отпрянул, заметив, как из руки юноши капает кровь. — Что это? — спросил он в недоумении.

— «Что?» — глупо переспросил Линра, глядя на собственную руку. — Скорее — кто. Ох, извините, кажется, ваша младшая дочь успела приручить этих существ... И сейчас у них время кормёжки. Они очень пунктуальны в этом деле... — неловко рассмеялся он и принял из рук подоспевшей Джунилы прозрачную вазу с водой на дне. Засунув руку внутрь, Линра разжал кулак и аккуратно соскреб с ладони перламутровое насекомое. Капли крови упали в воду, и существо издало истерический скрип — оно не умело летать и плавало в воде, словно камень. — Позвольте представить: причина недуга вашей дочери — вот это, на первый взгляд безобидное создание. Если я не ошибаюсь, это королева улья. В ином случае девочке срочно необходимо сменить комнату, и чем скорее — тем лучше. Рой охотится только во главе королевы, иначе они бесполезны, ведь именно она питается кровью для вынашивания потомства. Их яд обезболивает место укуса, но в момент «трапезы» они расцарапывают кожу, чтобы впиться глубже. Они способны долго обитать в одном месте. К счастью, эти насекомые не склонны селиться в домах, поэтому странно, что рой оказался здесь — словно кто-то подселил их. — Линра задумался, срывая со столика салфетку, и достал королеву из водной ловушки. — Не волнуйтесь, рой не нападает на людей без особой нужды. Как только я выпущу её на улицу, остальные последуют за ней. Вам лучше не мешать, — похлопал парень Вокния по плечу и слегка сжал королеву в руке, заставив её пискнуть. Медленно он вышел из комнаты. Под испуганный визг Фемны из-под кровати выползли мелкие насекомые багряного цвета, размером с горошину, стрекоча и спеша за своей королевой. Линра с королевой на руках покинул поместье и свернул в сторону сада, где аккуратно выпустил насекомое в глубокую траву и отошёл. Ещё некоторое время слышались стрекоты, затем они удалились в сторону высокого забора. Роевые Сонры — кровососущие ночные охотники. Обычно они не нападают на людей и избегают гигантов. Зато охотно охотятся на мелких грызунов и раненых птиц. Судя по всему, они долго голодали, прежде чем осмелились атаковать Фемну. Внешний вид Фэмны, объяснялся тем фактом, что насекомые способны провоцировать повышенное сопротивление организма к их слюне для быстрого истощения жертвы. Теперь девушке предстояло выздороветь: Линра рекомендовал целебные ванны и увеличенный приём пищи — лучше в два или три раза больше обычного. Чем быстрее Фемна восстановится, тем скорее Вокний поможет юноше получить доступ в королевский дворец. С подозрением Вокний попрощался со странствующим лекарем, не веря, что тот действительно смог сделать то, что требовалось. На прощание выгнал его за порог, велел ждать ответа. Линра вернулся в гостевой дом ни с чем.

7.

Амрес пронёсся мимо Эрсула так стремительно, что тот даже не успел осознать, что произошло, однако внутреннее чувство подсказывало — что-то явно не так. Влекомый любопытством, юноша поспешил вернуться в город. После жесткого укора от Занрана Велтара — нервного и подозрительного человека, уверенного, что именно Эрсул подговорил Сафина к побегу из дома, — Мура, следуя за Амресом, старался обойти городскую тюрьму пятой дорогой. Несмотря на жгучую боль в ухе и раздирающую боль в левой части тела, из-за которой сидеть было едва возможно, Эрсул выяснил, что Карсен Алур был заключён под стражу за превышение полномочий. Однако вскоре после конфликта с одним из заключённых он свёл счёты с жизнью прямо в камере. В эту историю было трудно поверить. Господин Алур издавна был бельмом на глазу рода Велтар из-за своих взглядов на правильное управление Эверхоном. Он не раз утверждал, что власть в городе распределена несправедливо и пытался изменить ситуацию всеми силами. Многие полагали, что именно благодаря ему глава города не оставался на месте и решал не только мелкие проблемы. Странно, что от него избавились только сейчас, а не сразу после того, как он лишился поста тюремщика. Эрсул, будучи уверен в своей правоте, всё же сомневался в причастности Занрана. Ему не свойственно было лишать жизни своих врагов — хотя он и грозился этим не раз, финалом угроз обычно становился тяжкий труд и всеобщий позор. Встретиться с заключённым, якобы виновным в смерти Алура, не удалось: его вызволили почти сразу. Занран не вдавался в детали конфликта, но у Эрсула сложилось стойкое ощущение, что тот что-то скрывает. Мура решил не играть с судьбой и покорно отступил. Кто знает, что могло довести этого мужчину до такого мрачного состояния, лучше пусть вопросы задаст Сафин — племянник господина Велтара, которому тот не причинил бы серьёзного вреда. Амрес прыгнул в лодку и, поднявшись над стеной, покинул пределы Эверхона. За барьером молодой мужчина рухнул на колени и закричал столь громко, будто страдал невыносимой болью. Когда Эрсул вбежал на стену, он увидел, как чужеземца тошнит кровью, как дрожат его руки, отчаянно цепляющиеся за борта лодки.

— Не пойдёшь по доброй воле — я тебя вытравлю! — прохрипел Амрес, пытаясь прийти в себя и бросая злой, полный ненависти взгляд в сторону барьера. Стражи на стене пришли в серьёзное волнение — существовал риск отравления молодого мужчины, возможно, последствия окажутся непредсказуемыми. Уловив заинтересованный взгляд Эрсула, Амрес нахмурился, будто пытаясь понять, знаком ли он с юношей, и, развернув лодку, направился в сторону Альянса островов. На удивление Вокния, Фемна Талес достаточно быстро шла на поправку. Кожа её по-прежнему выглядела не самым лучшим образом, но лечение продвигалось успешно: советы предыдущих «самозванцев-лекарей» наконец начали приносить результаты. К сожалению, с волосами сделать было уже ничего нельзя, но отец радовался, что дочь перестала походить на живого мертвеца. Эту радостную весть, по мнению Вокния, должны были знать все вокруг. Вокнию хотелось восхвалять небеса, прощая своих обидчиков, и хотя бы символически преподнести им дар в знак доброй воли. Род Талес находился в конфронтации сразу с двумя родами: один из них — кровные родственники Вокния из Молсана, с которым он делил территорию. Род Дерн, поддерживаемый главой города. Сложно было найти мирное решение в подобной ситуации. Так племянник Вокния, не занимаясь ничем полезным, имел доступ к казне рода Талес, выплачивая градоначальнику процент за пользование благами семьи. Кроме содержания посторонних людей, глава рода Талес, был обязан обслуживать долговые обязательства перед одним из правящих домов Кадрамара — долг, приставший к Талесам из-за ошибок предыдущего главы более тридцати лет назад.

— Ситуация весьма непростая, однако сильное имя рода обязывает короля откликаться на просьбу своих подданных, — поспешила уверить Линру Джунила Талес. Она навестила юношу спустя три дня, ближе к полудню, с вестью о том, что младшая сестра пошла на поправку благодаря его помощи.

— Что ж, я рад, — неспешно сказал Линра, делая глоток чая из целебных трав, которые собрал по пути в Молсан и тщательно перебирал всё утро, сидя на кровати с поджатыми ногами. В комнате, которую он снимал, стоял приятный бодрящий аромат, благодаря чему Джуниле дышалось легче. С момента, как Джунила ворвалась к нему, юноша старался не смотреть ей в глаза, предпочитая глядеть в сторону окна — так шрамы на его лице были менее заметны.

— Отец у нас строгий человек, но уверяю вас, вам не о чем беспокоиться: ваша просьба была исполнена сразу после вашего ухода из поместья, — с улыбкой рассказала девушка, заведя руки за спину. Путь сюда был далёким, но присесть она не могла — её никто не пригласил. Линра, только проснувшийся, выглядел забавно: беспокойный сон растрепал его и без того неопрятные волосы, а на руках красовались многочисленные шрамы. Его внешний вид не смущал, но Джунила позволила себе внимательно рассмотреть спасителя своей сестры и сделать вывод — Линра долгое время держали в плену.

— Радостная весть... я мог бы пригласить вас с почётом, если бы позволяли обстоятельства, — неловко произнёс Линра. Ему явно было неуютно от внезапного визита, а Джунила большую часть времени молчала, подбирая слова. Комната в гостевом доме была скромна и далека по размаху от привычных ей условий, поэтому неудивительно, что девушка колебалась на пороге.

— О, да что вы! Я вовсе не настаиваю, — рассмеялась Джунила. Поджав губы, Линра кивнул и снова отвернулся к окну. — Знаете, на территории поместья рода Талес есть гостевой дом, куда время от времени поселяют гостей, не способных вернуться домой после праздника. Если хотите, я могу поговорить с отцом и уговорить его пустить вас туда или, может быть, в одну из гостевых комнат, — предложила она и, не получив мгновенного ответа, неловко улыбнулась. — Думаю, отец будет против вашего проживания в поместье — все дочери ещё незамужние, и могли бы поползти нехорошие слухи.

— В этом нет нужды, я не намерен задерживаться в Молсане, — ответил Линра.

— Но вам придётся! — возразила Джунила, подходя ближе и вздрогнув, когда Линра прижался к изголовью, словно желая увеличить дистанцию между ними. — Простите, я не хотела повышать тон, — склонив голову, виновато извинилась девушка. — Нам неизвестно, когда его величество ответит на прошение отца. Поэтому вам стоит остаться поблизости: корона часто устанавливает временные рамки для визитов, и если не связаться с вами вовремя, мы можем упустить момент. — Даже не получив разрешения отца, Джунила твёрдо настаивала, чувствуя ответственность за помощь Линре и надеясь, что сможет повлиять на отца, если потребуется. Решили не откладывать: в компании юноши, молодая госпожа Талес — доверенное лицо главы рода — с удивлением замечала, насколько скромны были вещи странствующего лекаря. В одной руке Линра сжимал маленький старый чемоданчик с бряцающими колбочками, в другой — изрядно потрёпанные дневники в кожаном переплёте. Он не позволил благородной леди взять на себя его ношу. Стараясь не обращать внимания на шёпотки горожан и косые взгляды, Джун понимала: прикрывающему лицо Линре может быть неприятно повышенное внимание. Единственное, что она могла сделать — ускорить шаг, но опасалась, что это обидит юношу, внушив мысль, будто она стесняется его общества. Линра выглядел как один из тех странствующих торговцев, недавно ступивших на бесконечный путь, или бедный дальний родственник, давно изгнанный из семьи и теперь невероятным образом снискавший прощение. Это тревожило неугомонное сердце Джунилы Талес, стремящейся помочь всем, кто, по её мнению, пережил нечто гораздо более серьёзное, чем прежние проступки. К

счастью, отец был слишком занят разговором со средней дочерью, которая вернулась из столицы после неудачных смотрины. Мирэльда Талес, известная как первая красавица Молсана, грозилась стать посмешищем из-за коварства правящего рода, который надменно отверг её кандидатуру. Вынужденная молча слушать бесплодные попытки Вокния, она затаила обиду на старшую сестру за то, что та не заступилась, предпочитая заботиться о чужом человеке. Джунила оставила Линру в гостевом доме — маленьком, едва ли больше комнаты Фемны, но с небольшой кухней, печью, удобной мягкой кроватью и отдельной ванной для удобства. — Я распоряжусь, чтобы прислуга приносила вам еду вовремя, готовить вам не придётся. Также можете отдавать вещи на стирку, — с довольной улыбкой говорила девушка. — Если понадобится что-то ещё — не стесняйтесь спрашивать.

— Вы очень добры, — тихо ответил Линра, осмотревшись и присев на кровать, чтобы проверить её упругость.

— Ну что вы, мы почти ровесники, да и вы спасли мою младшую сестру от верной гибели — можете отбросить формальности, — рассмеялась Джунила и села на стул. Этот дом находится на территории её семьи, так что разрешение врача не требуется... Нужно лишь побороть неловкость из-за наглости. — Моя вторая младшая сестра недавно вернулась в поместье. Честно признаться, я её люблю, но порой она приносит много хлопот своим упрямым характером. Было бы лучше, если бы вы не пересекались. Она только на вид очаровательна — на деле настоящая оторва, — шутливо добавила Джунила. — Это ради вашей безопасности, конечно. Она только что провалилась как кандидатка в супруги наследника рода Лидевс. Отец рассчитывал объединить наши рода, чтоб долг заметно сократился, но, увы, должников они не принимают. Вы голодны? Не завтракали? Могу принести завтрак или вы хотите покушать в поместье? — оживилась девушка, вскочив с места.

— Нет, я очень устал и хочу немного отдохнуть, ночь была тяжёлой, — печально улыбнулся Линра.

— Понимаю, тогда оставляю вас отдохнуть, — согласилась Джунила и поспешила к двери. — Если что понадобится, не стесняйтесь обращаться. Окна моих покоев выходят прямо сюда — я или прислуга заметим. — Видя, что Линра уже прилёг, Джун опустила голос и, поджав губы, аккуратно прикрыла дверь. Юноша выглядел истощённым, и даже целебный отвар не смог придать ему сил. Вернувшись в поместье, Джунила сначала отдала указание главной горничной выделить пару-тройку служанок для обслуживания гостевого дома и следить за ним. Если Мирэльда решится навредить дорогому гостю, о том сразу сообщили бы Джуниле. И действительно — едва девушка расслабилась, средняя дочь рода попыталась узнать, кто же владеет вниманием «холодной» старшей сестры. Но, столкнувшись с пустым гостевым домом, её попытки оказались тщетны. Благодаря тщательному осмотру, Мирэльда обнаружила в гостевом доме чужие вещи, но справиться с замком на чемодане и узлом, связывавшим дневники, не смогла. Лицо Джун выражало удовлетворение от того, что любознательная Мирэльда потерпела неудачу, но в голове всё ещё металась догадка — куда же мог подеваться господин Линра. Тем временем сам юноша уже направлялся в дом градоначальника Молсана.

— Так вы и есть тот самый человек, который желал со мной встретиться? — спросил мужчина со снисходительной улыбкой, закинув ногу на ногу и делая глоток вина.

— Вы невероятно проницательны, — спокойно ответил Линра и прошёл вглубь гостиной, присаживаясь ближе к мужчине.

— Честно говоря, я тороплюсь вернуться к своим обязанностям, однако меня заинтересовало имя господина Талеса, которое вы упомянули, чтобы встретиться со мной. Скажите, с каких пор Вокний общается с голодранцами? Помнится, он крайне придирчив к своему кругу, и стыдно признаться, даже мне не доводилось бывать на территории его поместья. Чем же вы так его привлекли? — усмехаясь, сказал градоначальник, отводя бокал в сторону. Беглый взгляд на внешний вид парнишки показал ему — перед ним человек явно из низшего сословия,

отчаянно сопротивляющийся суровой правде жизни. Желая разговорить гостя, он предложил ему вина — прекрасно понимая, что вино такого качества Линра мог пить только в поместье благородного рода.

— Понимаю. Уверяю вас, я человек простой и не отниму много времени. Тема нам обоим известна, так что повторяться не вижу смысла, — спокойно ответил Линра, досконально прощупывая почву, чтобы найти верные рычаги влияния. Он знал, что Джунила, которой отец поручил разрешить конфликт с градоначальником, владеет словом и имеет минимальные навыки убеждения, однако эти методы не подействовали на градоначальника. Значит, проблему должен решать сам Вокний. Но что-то его сдерживает. Возможно, он не хочет терять влиятельного союзника в лице градоначальника, хотя в доме Талес к нему относятся с холодом. Лицо в глазах других родов важно — где один, там и другие не заставят себя ждать. Почему же тогда Вокний Талес не воспротивился воле градоначальника? Его бы всячески поддержали. Или он пытается обойтись малой кровью, подставив старшую дочь в надежде, что она ублажит низменные желания этого мужчины и тем самым заслужит его помощь?

— Нет, однако я подозреваю... — тяжело выдохнул градоначальник и перестал улыбаться, сев ровнее. После короткой паузы он поставил бокал на столик и серьёзно сказал: — Поймите меня, господин Линра: как бы вас ни ценил господин Талес, в Молсане вы — никто. — Мужчина посмотрел на юношу с сочувствием, явно намекая, что давление на него неуместно.

— Верно, я не претендую на значимые роли в этом городе, — спокойно ответил Линра. — Молсан не мой дом, и я не считаю нужным стоять на коленях перед кем-либо. — Градоначальник невольно подумал: «Слишком наглый для простого голодранца». Так себя ведут только люди высшего сословия, не боясь угроз и твёрдо стоящие на ногах. — Мои сведения о ситуации ограничены, но даже то, что я знаю, ставит меня в тупик. Честно говоря, я в замешательстве, — сказал Линра, приняв предложенное вино. Сделав глоток, он поморщился от вкуса и отставил бокал подальше. В этот момент, с мягким стуком, в гостиную заглянула служанка:

— Господа, не желаете ли чаю?

— У нас уже есть чем занять рот, — холодно ответил градоначальник без тени сомнения.

— Я бы хотел смочить горло, — согласился Линра. Его ответ вызвал удивлённый взгляд мужчины, который заметно смутился и посмотрел на свой бокал. Служанка, поджав губы, прикрыла за собой дверь, а в гостиной раздался приглушённый голос, отдающий приказ подать гостю чай. — Вы хорошо знаете род Талес, не так ли? — откинувшись на спинку дивана, спросил Линра.

— Сколько себя помню... — слегка напрягся градоначальник, неуверенно отвечая.

— Они гостеприимны и, в целом, щедры, — кивнул Линра, ещё больше сбивая мужчину с толку. С благодарной улыбкой он принял из рук служанки чашку ароматного чая, но не спешил пить. Лениво помешивая ложкой напиток, бросал в чай кубики сахара один за другим, явно не намереваясь останавливаться.

— Как и многие рода, — сухо согласился мужчина, наблюдая за необычным поведением гостя. Чай в чашке постепенно поднимался, вытесняемый сахаром и проливаясь на стол, но Линра продолжал.

— Вам доводилось бывать в поместьях многих родов? — проявил интерес он и мягко отмахнулся от девушки, собиравшейся убрать беспорядок на кофейном столике. Замешкавшись, служанка бросила на хозяина растерянный взгляд и поспешила покинуть гостиную. — С учётом их самовозвеличивания и чувства неприкосновенности... должен признать, ваша конфронтация серьёзно подорвала авторитет в городе. Вас это злит?

— К чему вы клоните, господин Линра? — сдержанно спросил градоначальник, когда ложка замерла в воздухе. Он оторвал взгляд от чашки и поднял глаза на собеседника, невольно дрогнув, осознав, что Линра наблюдал за ним всё это время.

— Ну что вы? Есть ли мне смысл юлить или недоговаривать? Господин Ремей, я стараюсь быть с вами максимально честным... в отличие от вас. Или неужели вы не заметили изменений в вашей жизни? — наигранно опечалился юноша. — Вы возгордились, строя планы на будущее, и упустили из виду очевидную деталь. Это даже забавно, — усмехнувшись, он подвинул чашку с чаем к мужчине.

— Я не думаю... — начал градоначальник, но был прерван.

— В том и дело: вы действуете сиюминутно, не заглядывая вперёд. Я не прав? — поднялся Линра со своего места. — «Щедрость»? Вы ведь не из числа благородных родов; значит, вам не известно — единственная щедрость, на которую способен уважающий себя род, — это время и внимание. Они нематериальны, но ценны. — Обойдя кресло градоначальника, Линра завёл руки за спину и с интересом посмотрел на картину над камином — «Побоище», где отважные воины сражаются с Ниморами, самыми опасными хищниками для простых людей Кадрамара. Раньше эта живопись констатировала реальность, ныне — пережиток прошлого.

— Я не понимаю, — заметно забеспокоился мужчина, впервые за время беседы вспотел.

— Вас устраивает? — спокойно спросил Линра. Ремей поспешно обернулся, пытаясь постичь смысл вопроса.

— Простите? — в недоумении произнёс он.

— Этот защитный рефлекс, который вы выработали, — холодно произнёс Линра. — Уверенность в том, что вы всё обо всех знаете. Вы так надменны, считая, что к вам явился «простой» человек, который ради кого-то станет стелиться перед вами в тщетных попытках добиться внимания. Вы надеялись, что я принес вам очередной дар от рода Талес, не так ли? Но Вокнию до этой встречи нет дела. Ему и до вас нет дела: вы ничтожны по его меркам, как и по моим — и это нас роднит. — Линра бесстрастно хмыкнул: — Когда таким, как вы, преподносят один дорогой подарок, вы всеми силами отнекиваетесь, разжигая пламя праведного негодования: «Как смеют они приравнивать меня к другим?» Это логично, но вскоре жадность овладевает вами, и вы начинаете искать встречи; оковы гордыни падают, и вы становитесь ненасытны. Сколько раз вы отказывали роду Талес? С самого начала? — Градоначальник, отвернувшись к столу, дрожащей рукой потянулся к бокалу с вином, но в поле зрения попала чашка с чаем. В благородных родах есть особая практика подготовки, отличающая их от обычных людей. Отпрыски изучают её с малых лет и используют в повседневной жизни, будучи равными себе подобным — они говорят намёками, искусно вплетая смысл между строк, их действия говорят громче слов. «Чашка переполнена», — понял градоначальник: юноша не стал пить, что намечал, значит «напиток» бесполезен. Осознание подтекста пришло неожиданно, когда Линра схватил мужчину за волосы и заставил запрокинуть голову. — Они даже не догадываются, кого сумели пробудить в вас, не так ли? — не дождавшись ответа, прошелестел с едва сдерживаемым смехом Линра. С ловкостью, словно играя, он опрокинул мужчину навзничь на его облюбованном «троне». Алгор, почувствовав давление на грудную клетку, сжался, открывая рот в попытке сделать хоть один глоток воздуха, но получил желанный глоток предлагаемого чая, давясь им и кашляя. — И вот вы снова любопытствуете, каким будет следующий подарок; вы опять отказываетесь, и по мере того, как вокруг вас множатся ценные вещи, вы всё ещё настаиваете на своём. Я не намерен помогать мисс Талес — ей самой померещилось нечто; она испугалась собственных фантазий. Но я в растерянности: как поступить дальше? Подозреваю, что они уже давно окупили вашу помощь — удушающая сладость, от которой пересохло до неприятной боли. Казалось бы, ничего серьёзного — запить и разгневаться на наглеца, но что-то не позволяет, давит к полу, опасно сдавливая грудную клетку. И, увы, это не яд. — Вы ждали дар, — лёгкое волнение скользнуло по тону Линры, словно он забыл предложить гостю выбор дальнейшего способа его казни, — я буду милостив и приподнесу вам то, чего вы столь страстно желаете, господин Ремей. — Вино зашекотало горло, проливаясь на лицо задыхающегося Алгора. Линра толкнул голову градоначальника ногой, чтобы тот посмотрел на

него, и вопросительно вздернул бровь. Получив вместо внятного ответа задушенный хрип, он разочарованно покачал головой и присел на корточки рядом, чтобы быть лучше слышимым. — Я надеюсь, эта встреча усмирит вашего внутреннего зверя, ведь в ином случае, — проникновенно произнёс он, — я буду вынужден прибегнуть к методам, которыми сам не восхищаюсь... Наслаждайтесь моим ценным подарком — дышите. — Он хлопнул мужчину по щеке, поднялся, вытер руки салфеткой со столика и уверенно покинул чужой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.